

Письма А. И. Герцена къ дочери

Съ конца ноября 1868 г въ регулярной до того перепискѣ Герцена съ дочерью *) происходитъ четырехмѣсячный перерывъ. Наталья Александровна, прѣхавшая на короткое время для свиданія съ отцомъ въ Ниццу, вынуждена была остаться здѣсь до конца апрѣля 1869 г, опасно заболѣвъ оспой въ очень тяжелой формѣ. Надо отдать должное Н. А. Огаревой: она ухаживала за больной Нат. Ал. съ полнымъ самоотверженіемъ, и даже сама заразилась оспой отъ нея.

24 апрѣля 1869 г. поправившаяся Нат. Александровна, въ сопровожденіи вѣрнаго Тхоржевскаго, выѣхала во Флоренцію, гдѣ постоянно проживали ея братъ Ал. Александровичъ съ семьей и сестра Ольга Александровна съ ея воспитательницей Мальвидой Мейзенбургъ. Переписка съ отцомъ возобновилась.

1869-ый годъ.

Татъ. 1869. 25 Апрѣля. 12 часовъ. Воскресенье

Ожидая съ нетерпѣніемъ и съ какимъ-то внутреннимъ не столько разумнымъ, сколько съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ — телеграммы. Вчера былъ вѣтеръ, ночь хороша, но къ утру небо заволочло — черными тучами, я ждалъ грозы, но небо разъяснилось. Сегодня Лиза взошла въ твои права, она еще не вставала у нея сильнѣйшая головная боль и тошнота.

En attendant пришлю тебѣ письмо Мальвиды и Панофки⁹¹⁾. Письмо Панофки ничего не значить. На этомъ мѣстѣ пришла телеграмма all right (...) а таки дернули въ Ливерпуль.

Тѣмъ паче продолжаю. Хорошо, если Мальвида тебѣ покажетъ мое письмо. Ея письмо сначала меня разсердило — а потомъ я посмѣялся. Она говоритъ, что въ Парижъ ѣхать готова — если Панофка поѣдетъ въ Парижъ — иначе останется до будущей зимы. Стало, здоровье не мѣшается. Далѣе, она говоритъ — что если Ольга и не будетъ пѣвицей —

*) См. «Совр. Записки» кн. 66 и 67.

91) Генрихъ Панофка, нѣмецкій композиторъ, учитель музыки дочерей Герцена во Флоренціи.

то всегда можетъ давать уроки пѣнья. Ну это ужъ изъ рукъ вонъ. Лучше сдѣлаться швейей, телеграфировать, чѣмъ приготавливаться съ цѣлью давать уроки. Вотъ почему я спрашиваю Пан. можетъ ли Ольга пѣть на сценѣ. Поговори и ты съ ней основательно. Вообще я отъ тебя жду отчета и письма еще здѣсь. Сегодня воскресенье 25 — пиши тотчасъ и я его получу 2 или 3-го, даже на сутки отложу отъѣздъ. Вообще я на тебя надѣюсь. Ты мой Петръ, — «на которомъ созижду храмъ мой» — (только Петръ немного вялый и недѣятельный). Я рѣшительно хочу показать предѣлъ отчужденю Ольги — и для этого прямо указываю необходимость ѣхать хоть къ Сентябрю въ Парижъ. Переговори со всѣми объ этомъ⁹²⁾.

Ну что панъ, желалъ бы я его видѣть на пароходѣ.

Обнимаю тебя, обнимаю Ольгу. Я только и желалъ бы что съ ней быть настолько въ унисонъ какъ съ тобой.

Прощай.

До Сентября они могутъ переѣзжать на дачу и куда угодно, — даже до конца Сентября.

1869. 30 Апрелья. Пятница.

Письмо твое и отъ Саши я получилъ. Начинаю съ окончательно утвержденной программы. Огаревъ вдругъ мнѣ написалъ, что какому то человѣчку, по одному дѣльцу нужно на секундочку повидаться въ какомъ нибудь мѣстечкѣ — хоть я въ крайность не вѣрю, Огаревъ требовалъ сейчасъ телеграфировать (о Бакунинѣ, Бакунинѣ), но такъ какъ путь былъ одинаковъ, то и resolved ѣхать 5-го въ Марсель въ 4 часа, въ вашу Каталани — 6 пробывать тамъ — ночью ѣхать въ Valence, изъ Valence'а въ Гренобль — тамъ пробывать день — 8-го въ Шамбери. Здѣсь останется N. и Лиза — а я черезъ Сулоз 10-го въ Женеву, гдѣ и пробуду 5-6 дней (Кто прежде (....) — панъ или я?). Ergo писать можешь до 8-го въ Шамбери: France,

⁹²⁾ «Отчужденіе» дочери Ольги, болѣзненно переживавшееся Герценомъ, было не случайно. Двухлѣтнимъ ребенкомъ О. А. была передана послѣ смерти матери на попеченіе Мальвиды Мейзенбургъ (см. прим. 4), сначала временно Но послѣ сближенія Герцена съ Н. А. Огаревой, скоро проникшейся къ его дѣтямъ темнымъ враждебнымъ чувствомъ, возвращеніе О. А. къ отцу сдѣлалось невозможнымъ. Съ 1858 года О. А. уже постоянно жила съ М. Мейзенбургъ, замѣнившей ей мать. Надо однако признать, что и сама Мейзенбургъ, горячо привязавшаяся къ О. А., повидимому сознательно старалась держать ее въ отдаленіи не только отъ Н. А. Огаревой, что было понятно, но и отъ отца Въ декабрѣ 1868 г. — О. А. въ это время было 18 лѣтъ —

Savoie-Chambery. Poste restante, потомъ на Огарева или въ Женеву и на его адресъ — до дальнѣйшихъ распоряженій Фонтанъ меня увлекаетъ всѣми прелестями — въ Брюсселѣ nous verrons я бѣзъ опыта ничего не могу сказать. Отсюда зависить и дальнѣйшее, то есть переселенье въ Парижъ. Для послѣдняго я буду ждать подробное письмо отъ тебя: 1) о дѣйствительныхъ успѣхахъ у Пановки, 2) о дѣйствительномъ желаніи Ольги быть пѣвицей, 3) о всемъ вашемъ житьѣ. Переѣхать слѣдовало бы въ Сентябрь — пожалуй и къ 1-му Октябрю. При хорошей квартирѣ я не вѣрю, чтобы въ Парижъ было хуже. Но только, что квартиру слѣдуетъ искать ad hoc на солнцѣ и съ печами, а не съ каминами, — за это я возьмусь — но ниже 3-го этажа не думаю, что бы можно найти и вѣроятно за Сенной, гдѣ живетъ Michelet, Вырубовъ, Ханьковъ и тысячи. Пиши очень обдуманно, взвѣсь все pro и contra. Черезъ кругъ Вырубова, Reclus и даже Monod (если Мальвидѣ (. . .) на memoir'ax идеалистки, что она удержится отъ сватовства) — черезъ Michelet и Араго я разомъ васъ пушу au large. Моя идея не капризъ — надобно получить то dernier coup de serviette, теперь умѣнье себя держать, которое въ нашихъ таборахъ, скитаньяхъ, бивуакахъ и въ маленькихъ городахъ ты не получишь. Насколько я былъ очень доволенъ твоимъ вступленіемъ складомъ и мысли и сампатій, настолько я былъ недоволенъ многими въ наружности — необдуманная наивность иной разъ и что то случайное безъ послѣдовательности. Въ Парижѣ это обильнѣется само собой. Къ тому же это мѣсто der Anregung, а тебѣ она необходима, у тебя есть дѣятельная лѣнь и сонливость. Въ Парижѣ ни физически, ни морально никто не спитъ, большая часть занята вздоромъ — но дѣлается. Стоитъ дѣлать но не вздоръ. Письмо это обдумай хорошо. Дай его прочесть Сашѣ. Только онъ въ этомъ дѣлѣ не судья. Арлотъ съ которымъ онъ прошлой весной мнѣ говорилъ: «въ наше время никто не танцуетъ», показываетъ, что тутъ еще вмѣсто зубовъ мудрости были тогда зубы Бабушки гориллы, — съ тѣхъ поръ они можетъ выпали — но новочу некогда было вырости.

Герценъ въ письмѣ къ Мейзенбуъ жаловался «Годъ тому назадъ вы писали мнѣ еще одинъ годъ — и я верну вамъ Ольгу, вполнѣ закончивъ ея воспитаніе, — а теперь вы просите еще 2-3 года.. Отдаленіе, въ которомъ вы хотите держать Ольгу, кажется мнѣ несправедливымъ по отношенію ко мнѣ и жестокимъ по отношенію къ Ольгѣ». Но въ этой тяжбѣ за дочь съ Мейзенбуъ сама О А часто была на сторонѣ послѣдней, а не отца.

Всѣ подробности (не мелочи) — о психическомъ развитіи и направленіи Ольги — будутъ *benvenute* и очень прошу. Но ты бери не случайную пыль, ногти, мозоли и черное бѣлье — какъ въ твоихъ тетрадкахъ.

Статья Тургенева о Бѣлинскомъ дрянъ. Въ «Голосѣ» мое письмо напечатано (№ 95)^{22a)}. Я ею попрежнему доволенъ и видя въ немъ талантъ описывать и драматическій складъ — тѣмъ больше возражаю противъ случайно мелочнаго направленія, безъ выкупа мыслью, или общими.

Вѣроятно Мальвида на меня гнѣвается за письмо²³⁾ — дѣйствительно ея письмо меня взбѣсило, нельзя же идеализмъ и туманъ въ головѣ ставить мѣриломъ. Я радъ, что записки ея имѣютъ успѣхъ, но мнѣня моего не могу измѣнить. Какъ думаетъ, напр., Шифъ, меня это интересуетъ.

Цѣлую васъ всѣхъ — когда же родится *Sinina minutissima*.

Жду вашего письма.

Когда нужно будетъ я пришлю еще на уроки Пановкѣ — въ случаѣ нужды ты можешь авансировать.

Прощай.

Помни писать въ *Chambéry poste restante* (до 10) — и въ Женеву, на адресъ Огарева до получения новаго адреса.

^{22a)} Статья Тургенева — его «Воспоминанія о Бѣлинскомъ», напечатанная въ мартовской книгѣ «Вѣсти Евр.» за 1869 г. — Въ «Голосѣ» Герценъ помѣстилъ опроверженіе появившейся въ «Бирж. Вѣд.» сплетни, будто бы онъ, черезъ посредство посольскаго священника Радскаго въ Вѣнѣ, возбудилъ передъ русскимъ правительствомъ ходатайство о возвращеніи изъ Россіи

²³⁾ Въ февралѣ 1869 г. Герценъ просилъ М. Мейзенбургъ отпустить дочь Ольгу къ нему на свиданіе въ Геную, на мѣсяць. Отказъ на этотъ разъ исходилъ — конечно, не безъ вліянія Мейзенбургъ — отъ самой О. А., ссылавшейся на невозможность для нея даже на такой срокъ разстаться съ Мейзенбургъ. «Письмо Ольги», писалъ Герценъ Мейзенбургъ — «жестокій ударъ». Я желалъ, чтобы Ольга была у меня одна, даже безъ Таты — лишніе люди мѣшали бы дѣлу сближенія. Она видигъ въ этомъ умаленіе влншихъ правъ.. она должна видѣть въ васъ вторую мать, но изъ-за этого не слѣдуетъ не знать своего отца» — Особенно огорчало всегда Герцена, что Мейзенбургъ не позаботилась о томъ, чтобы О. А. знала свой родной языкъ. «Если Ольга захочетъ поближе узнать меня, познакомиться съ дѣдомъ моей жизни, она это сдѣлаетъ», писалъ онъ Мейзенбургъ въ мартѣ 1869 г. «Но трудно будетъ исправить ошибку полнѣйшаго забвенія русскаго языка. Это — одинъ изъ самыхъ жестокихъ ударовъ, который вы, не желая, нанесли мнѣ».

Чего особеннаго не достаетъ изъ мебели Сашѣ. Не могутъ ли въ томъ же домѣ, переѣхать на особенную квартиру Мальвида и Ольга.

Татѣ. 7 Мая, 1869. Chambery. Hôtel de la Poste.

Послѣ геройскаго пути и несмотря на твой приказъ (за который тебя цѣлую) d'un trait ночью прискакали изъ Марсели. Всѣ здоровы и beim Alten всѣ ключи потерялъ, но не сердился — отъ устали. Здѣсь скверно — завтра въ Aix les Bains. Пиши туда Nat. и Лизѣ (France. Aix les Bains. Poste restante). Мнѣ въ Женеву, на Огарева.

Всѣ новости потомъ. Съ Mme Filippi⁹¹⁾ были чудеса, помнимо (...).

Въ Марсели видѣлъ кормилицу, она о тебѣ вспоминаетъ, какъ о святой.

Прощайте.

Саша будетъ писать и Ольгѣ, потомъ Сашѣ скажи — что я вовсе не противъ Кессье — я говорю только, что человѣку совершенно считать себя свободнымъ, а не то, что онъ свободенъ объективно.

Мальвидѣ поклонъ.

Съ Марселя еще никто не ѣлъ.

Какъ же лучше адресовать письма въ Specol'у или не вамъ что то вашъ адресъ (...).

3 часа.

Da bin ich!

1869. 11 Мая. Genève. Hôtel de la Couronne.

Твое письмо я получилъ въ Aix les Bains — гдѣ осталась Nat. и Лиза. Отъ Aix до Женевы 4 часа ѣзды, въ Aix'ѣ очень мило и хорошо.

Огарева я засталъ такъ себѣ. Ходить онъ лучше и если не ходить по улицѣ, то это понапрасну (то есть по нервному капризу).

Важнѣйшее въ твоёмъ письмѣ разумеется то, что ты писала о Шифѣ jun. Конечно шутить тутъ нечего и надобно съ самаго начала отрѣзать какъ ножомъ.. Я его считаю очень хорошимъ и очень дѣльнымъ человѣкомъ — но неспособнымъ на свѣтлое счастье и сверхъ того чудакомъ, чудаки съ сильными страстями могутъ подыматься до неимоверной тирании (отъ ко-

⁹¹⁾ ? — Кто это, установить не удалось.

торой сами страдаютъ еще больше) — все это заставляетъ отстраниться — я вполнѣ вѣрю въ твой разумъ и очень радъ, что ты получаешь и въ этомъ больше довѣренность ко мнѣ. Меня всегда шемило твое абсолютное молчанье о Мещерск.⁹⁵⁾ и о сущности твоего отношенья. Сколько разъ я ни давалъ тебѣ повода — ты умолчала.

Насчетъ зеркала Сашѣ — фонды *tout trouvés*, скажи ему, что я дарю эти 500 фр. на улучшение мебели — и именно на покупку зеркала въ 250 франковъ *almeno*. А потомъ я еще пришло на содѣянье новыхъ рамокъ для Коффи.

Объ Ольгѣ жду второй рапортъ. Иду теперь на почту, если что есть отъ васъ отвѣчать буду послѣ завтра. Тхоржевскій повѣсится — онъ опоздалъ и его еще нѣтъ.

Маршрутъ и календарь.

Бду изъ Женевы 16-го Мая.

Навѣрное останусь въ Aix'ѣ до 22-го.

Писать въ Женеву стало можно разъ (на Огарева) — и то врядъ дойдетъ ли.

Въ Aix (въ письмахъ на мое имя) — France. A. N. Aix les Bains en Savoie. Hôtel Guillaud (3 maison).

P. S. Пиши Nat. она очень огорчается, или Лизѣ — можешь вкладывать въ мое письмо — и прощай.

Мѣйз. какъ всегда сильный поклонъ.

Скажи Мейзенбуъ, что Aix les Bains выдуманы Богомъ отъ ревматизма — если-бъ она вздумала туда ѣхать, можетъ и во многомъ измѣнилъ бы свой планъ, спроси Шифа.

(Сыну, А. А. Герцену).

1869. 21 Мая. Aix les Bains.

Сегодня въ 12 часовъ ѣдемъ въ Женеву и навѣрное пробудемъ тамъ до 26, можетъ и дольше. Ждемъ подробностей о появленьи въ вашемъ обществѣ Владиміра⁹⁶⁾.

Помни, что новый вѣкъ и новое время настолько выяскило

⁹⁵⁾ См прим. 19. Къ возможности выхода Нат. Алекс. замужъ за кн. А. Н. Мещерскаго Герценъ относился сочувственно. По свидѣтельству Н. А. Огаревой, и сама Нат. Ал. говорила, что изъ всѣхъ претендентомъ на ея руку единственно Мещерскій ей нравился.

⁹⁶⁾ Рѣчь идетъ о рожденіи Владиміра, старшаго сына Ал. Ал. Герцена и Терезы Феличе. Впослѣдствіи Вл. Ал. Герценъ — врачъ, ассистентъ Кохера; въ настоящее время проживаетъ во Франціи, подъ Парижемъ — Изъ десяти дѣтей А. А. Герцена и Т. Феличе только одна, сынъ Пейръ, переселился въ Россію.

свою сложную задачу — что воспитанье должно быть совѣмъ иначе устроено. Всѣ собственности пошатнулись, нѣтъ вѣрныхъ доходовъ и рентъ, особенно безъ труда. Богатѣе собственно, кромѣ случайностей (на которыхъ и Кетле не найдеть дроби вѣроятности, похожей на достовѣрность) — могутъ плуты. Время работы и собственныхъ силъ, приобрѣтеній трудовъ и талантовъ — ближе и ближе. Ты самъ сказалъ о воспитаніи въ лекціи — и такъ все дѣло отна относительно дѣтей только въ воспитаніи, *mettre à môme*, раскрыть всѣ двери и пустить на волю, на работу. Такъ безъ теоріи жили Фогты, Шифы — наши Бѣднискіе, Грановскіе. Пусть же съ первыхъ лѣтъ не касается твоего сына растлѣнье — вѣчной обезпеченности безъ труда. Еще одно слово, благо пошло на морали. Всѣ слухи отъ Таты и Мейзенб. очень въ пользу развитія Терезины. Береги ее пуще всего отъ той формы мелкаго помѣшничества — которая и есть то, что называется буржуазіей. Большая часть пролетаріевъ прямо попадаетъ въ нее, получивъ достатокъ (*Mme Karl Vogt* и пр.), я полагаю, что для нея Италия худшее мѣсто для развитія. Если бъ и она могла съ тобой прожить годъ, можетъ два въ Парижѣ (вмѣстѣ всѣмъ вамъ можно было бы устронься за 15.000 и я могу дать — и притомъ работать бы *схтга*).

Только парижская уврѣрка можетъ иногда переходить прямо въ образованную женщину — минуя буржуазію (*Mme Tessier*). Первый пробный камень — отношенье къ прислугѣ. Все это я бросаю тебѣ *pêle-mêle* для думы.

Что Терезина сама кормить или нѣтъ?

Ну и прощай.

Мнѣ Эксъ жаль, мѣста здѣсь чудесныя — но все время лиль дождь и всякой день грозы.

Сашѣ и Татѣ, together.

1869. 27 Мая. Женева. H-1 de la Couronne.

Ну что, какъ у насъ прошла первая и вторая недѣля, вѣроятно такъ же успѣшно и легко — но все же слѣдуетъ не предполагать, а знать.

Посылаю еще мою статью. «Недѣля» получила 3-е предостереженье и запрещена на 6 мѣсяцевъ. Въ Петербургѣ терроръ. Ткачевъ⁹⁷⁾ (Тата знаетъ его книгу о рабочемъ вопро-

⁹⁷⁾ «Недѣля» — журналъ въ Петроградѣ, выходившій сначала подъ редакціей А. Пятковскаго, а затѣмъ Е. Конради. Подъ псевдонимомъ «И. Нюнкскій», Герценъ помѣстилъ въ 1868-69 гг. въ «Недѣ-

съ) — былъ взятъ полиціей — и безслѣдно исчезъ — это по николаевски. Крестьяне ждутъ непокойно 1870 годъ 19 Февраля, всего остается 8 мѣсяцевъ. Первый срокъ для окончательнаго выкупа, переходъ.

Я давно не писалъ, потому что жду, чѣмъ коммуна наша рѣшить насчетъ путешествія. Пренія сильныя и горячія. Одни голоса за Женеву (до зимы). Другіе за Брюссель. Я какъ Кутузовъ въ 1812 — собираю объ этомъ всѣ мнѣнья (....). Огаревъ, разумѣется, за Женеву, Бакунинъ еще больше, даже Nat. склоняется на ихъ сторону и Лиза. До сей минуты, Брюссель представленъ мною и Тхорж. Партія Женевы нашла домъ. *Rez de chaussée* дома Жеребинова съ огромнымъ садомъ. Этотъ домъ фантастическій, я его хотѣлъ нанять въ первый разъ въ 1849 — 2-й въ 1854 — черезъ К. Фогта, — 3-й въ 1864 — (Касатк. перемѣнилъ на Буасьеру).

Партія брюкселистовъ — опирается на хорошіе отзывы Эдгара Кине.

Сегодня общее собранье, голосованье и рѣшенія, до него я письма не пошлю.

Ну что до вашего ученаго захоlustья, дошли вѣсти о парижскихъ выборахъ — онѣ не безъ важности. Правительство поставило все на карту — за Ем. Оливье и онѣ провалились въ Парижѣ позорно, 10.000 большинства его противнику. Выборъ Гамбетты — личная обида Нап. Выборъ Распая, социалиста 1848 года (его въ Лионѣ приняли оваціей), это первая трещина по имперіи. Посмотримъ, что будетъ. Жирарди *Vostu* — побитый и опозоренный — съ перваго дня какъ сталъ извѣстенъ результатъ — перешелъ на другую сторону и тутъ же закричалъ: «Побѣда».

Ты вѣрно помнишь Такси что харьковскій книгопродавецъ предлагалъ изданье моихъ прежнихъ статей напечатанныхъ въ Россіи. — Говорю, что я уже такое позволенье далъ — я прибавилъ, не хочеть ли онѣ перепечатать — изъ моихъ послѣдующихъ статей (что возможно). Получилъ на дняхъ отъ него отвѣтъ, онѣ съ охотой схватился за эту мысль и просить меня (по почтѣ) сдѣлать выборъ. Къ замѣчательнымъ особенно-

лѣ рядъ очерковъ, озаглавленныхъ «Скуки ради». — Ткачевъ Петръ Ник. (1844-1885), сотрудникъ журналовъ Благосвѣтлова «Дѣло», «Рус. Слово» и др., привлекался по дѣлу Нечасва. Эмигрировалъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, издавать въ 1875-1876 г. въ Женевѣ журналъ «Набатъ».

стямъ нынѣшняго лѣта, принадлежитъ постоянно дурная, сѣрая, свѣжая погода. Въ Нишѣ съ осени до Февраля было скверно, съ Марта тоже. Все время дороги въ Aix les Bains idem, въ Женевѣ — idem, но я себя чувствую здоровымъ. Resolved головныхъ болей, гораздо чаще.

3 часа послѣ обѣда и 14 минутъ.

Вдемъ черезъ недѣлю въ Брюссель.

Письма теперь, до получения дирекціи писать на Огарева.

1869. 31 Мая. Genève. Pension Kraus. Pré l'Évêque.

Вотъ мы и зажились въ Женевѣ. Все идетъ хорошо и ладно. Ага бываетъ черезъ день, прѣѣзжаетъ въ пятомъ и уѣзжаетъ въ десятомъ. Мы много говорили объ устройствѣ и пришли къ очень важнымъ рѣшеньямъ, о которыхъ напишу особо.

На дняхъ явился Благосвѣтловъ съ женой и дѣтьми, образомъ также безобразенъ. Рассказывалъ о крѣпости и Муравьевѣ въ крѣпости. Худякова билъ офицеръ нагайкой по головѣ и пр. Въ газетахъ слухъ о движеніи казаковъ (донскихъ) — ждемъ подтвержденья.

Вчера я былъ у Фогта — и просидѣлъ весь вечеръ. Онъ кланяется Сашѣ и благодаритъ за книжку. Кажется доволенъ и имъ и Шифомъ. Онъ былъ очень въ ударѣ и рассказывалъ много интереснаго.

Здѣсь Эд. Кинс. Онъ не нарадуется на отрывки изъ «Былого и Думъ» помѣщенные въ Колок. (Сашинъ переводъ) и заставилъ меня снова перевести мою статейку «La Mazurka»⁸⁸⁾ онъ разумѣется совѣтуетъ издавать записки.

Здѣсь тоже собираются грозы — работники и буржуа — на ножахъ. Полиція растетъ въ наглости. Kaisin избранъ въ судьи (національнаго суда) увидимъ. Бакунинъ совершенно какъ рыба въ водѣ, потѣетъ, ѣстъ по 5-ти фунтовъ мяса, говоритъ до 4-хъ часовъ утра, останавливается, толкается впередъ, судить и рядить. Ну что воддырчикъ⁸⁹⁾.

Если не будетъ перемѣны, я поѣду ex. gr. до 5 въ Vichy на

⁸⁸⁾ «Мазурка» — небольшая статья Герцена въ «Колоколѣ» (іюль 1867 г.), сочувственная полякамъ, подвергшимся незаслуженнымъ оскорбленіямъ на общеславянскомъ (происходившемъ безъ участія поляковъ) съѣздѣ въ Москвѣ.

⁸⁹⁾ «Воддырчикъ» — новорожденный сынъ Ал. Ал. Герцена Владиміръ.

21 день, потомъ ворочусь въ Женеву и въ Брюсель. Сегодня по указанью Фогта, даю дѣлать разложенье аптекарю, коллѣктивное.

2 июня. 1869. Татѣ и доктору.

Все еще въ Женевѣ и дрожа отъ холода. Здѣсь на этотъ разъ интересно. Война социальная близится и война страшная — по буржуазной тупости и озлобленью работниковъ. Стычки рано или поздно будутъ — мало по малу изъ частныхъ стычекъ. И одно поколѣнье можетъ выйти и что нибудь общее. Разгромъ будетъ ужасенъ и въ Россіи, какъ здѣсь. Я многое передумалъ и узналъ въ Женевѣ — и снова повторяю, что писалъ при рожденіи Владиміра — только считайте на развитіе и больше ни на что. А ргрос, Благосвѣтловъ¹⁰⁰) спрашиваетъ тебя, не хочешь ли ты посылать ему въ «Дѣло» корреспонденцію (пожалуй по французски) — но я думаю лучше по руски — онъ готовъ платить.

Мнѣ очень непріятно, что Маль. везетъ Ольгу въ Баварію — что за жизнь на водахъ — да еще она хочетъ ее лечить минеральной курой. Это безуміе — вотъ старый вѣкъ то. И будто она одна не можетъ съѣздить на мѣсяць — объ этомъ вы мнѣ отвѣчайте. Я пришлю на дняхъ — 500, изъ нихъ Ольгѣ 140. Объ остальныхъ скажу послѣ.

Я пришелъ къ окончательному заключенію послѣ долгихъ разговоровъ съ Ага — что время сообщить Ольгѣ и Лизѣ, пришло. Меня тѣснить ложь, выношенная изъ старыхъ предразсудковъ — и отвѣтственность, которую беру. Ольга можетъ меня упрекнуть за пошлое филистерство. Но я рѣшительно не хочу, что бы вы говорили — инициатива должна принадлежать Огареву и мнѣ. Ширь и чистота его меня всегда удивляютъ и подавляютъ — онъ изъ всего выходитъ, какъ мѣсяць изъ за облака. Здоровье его недурно, но онъ разрѣшаетъ себѣ больше прежняго кантофресное. Объ этомъ пишите мнѣ, хотя я рѣшилъ это дѣло и пойду къ его исполненію. Надѣюсь, что вмѣстѣ съ научной свободой и Саша — отсталъ отъ большихъ предразсудковъ въ отношеніи семьи. Все это идетъ изъ Фог-

¹⁰⁰) Благосвѣтловъ Григ. Евламп. (1824-1880), б. преподаватель Пажескаго Корпуса, уволенный за неблагонадежность и выѣхавшій за границу. Въ Лондонѣ сблизился съ Герценомъ, давалъ уроки русскаго языка Нат. Ал. По возвращеніи въ Россію редактировалъ журналъ «Русское Слово», а послѣ его запрещенія — «Дѣло», въ которыхъ принималъ ближайшее участіе Писаревъ.

та, а Фогты отличные и умные, замѣчательные и дѣльные буржуа — но буржуа.

Прошайте.

Пишите на адресъ Огарева, или Тхоржевскаго. Я думаю, что разложенъ сдѣланное Шифомъ, не могло удасться, здѣсь дѣлаетъ количество и разложенъ одинъ химикъ. Смотря по % я ускорю, или отдамъ Виши.

1869. 5 Юня. Genève.

Письмо твое, Тата, — получилъ. Главная новость состоитъ въ томъ, что — Я рѣшительно не хочу ѣхать въ Vichy — послѣ превосходно сдѣланнаго разложенъ химиками, рекомендованными К. Фогтомъ. (Вкладываю Сашѣ подробную записку). Освобожденъ отъ Vichy дѣлаетъ мнѣ больше досуга — и мы остаемся еще недѣлю здѣсь.

Насчетъ болѣзки Терезины не тревожьтесь, многія проходили большими мученьями, у твоей мамы сдѣлались нарывы на груди, страшно мучительные и прошли послѣдовательно одинъ за другимъ — это продолжалось мѣсяцевъ шесть. Я увѣренъ, что славная, чисто плебейская кровь Терезины, все перерабатываетъ.

О Парижѣ я ничего не могу писать теперь. Для этого мнѣ надобно прожить по меньшей мѣрѣ три или четыре мѣсяца въ Брюсселѣ.

8 Юня.

Вчера я читалъ у Кине отрывки изъ Былого и Думы. Старикъ сдѣлался рѣшительно моимъ почитателемъ. Въ восторгѣ. Требуется изданья, но не въ Женевѣ.

Я для него перепечаталъ Мазурку съ письмомъ — и тебѣ пришло экземпляровъ 5 даже 10 для раздачи.

Скажи Мальвидѣ, что я Мине Кине поднесъ ея мемуары.

Насколько насъ наши стали меньше цѣнить — настолько чужіе любятъ и цѣнятъ больше — странно.

Всѣ деньги назначенныя на Vichy въ экономіи — а посему я шью сертуку, рубашки, панталоны, жилетъ, галстухъ и шляпу Бак. сверхъ того пришло Сашѣ 500 фр., изъ нихъ

1-ое. Ольгѣ — 140.

2-ое. Ты ей сшей платье, или что нужно — 60.

3-е, возьми въ свою экономію — 200.

4. Владиміру Алекс. въ награду за рожденіе—100.

500

*) Сашу прошу помнить, что ему остается — 2.200 въ нынѣшнемъ году и Мальвидѣ 2.000 (кажется такъ) — ихъ могу въ концѣ Іюня прислать. Жду отвѣта на мое прошлое письмо.

Мы ѣдемъ на сутки въ Лозанну къ дантисту. День отправления въ Брюссель не назначенъ.

1869. 13 Іюня. Воскресенье и все еще изъ Женевы.

Пиши сейчасъ на адресъ Тхоржевскаго.

Если ты развернешь «Былое и Думы», то увидишь, что Саша родился не 12 Іюня, новаго стиля, а 13 Іюня стар. ст. — стало 25 Іюня, какъ ты и праздновала. Мои подарки приходятъ ксгати вчера онъ посланъ, то есть деньги, которыя я общалъ съ ними поѣхала и «Мазурка» 10 экземпляровъ. Ты поднеси Мальвидѣ, Шифу, Пенизи^{100а}).

Подемика съ Бакунинымъ идетъ своимъ чередомъ. Я изъ письма моего вымаралъ всѣ личные намеки — и написалъ еще два. За него отвѣчалъ Огар. — и я уже отвѣчалъ ему, все это можно съ легкими измѣненіями напечатать¹⁰¹). Дѣятельность Бакунина—изумительна, онъ ходитъ съ одного собранія на другое, его возятъ какъ соціальнаго акушера то въ Лозанну, то въ Локль. Онъ вездѣ проповѣдуетъ общее разрушеніе — консерваторы блѣднѣютъ, пасторы проклинаютъ — а онъ спокойно садится за три фунта мяса — и опустивши ихъ — снова начи-

^{100а}) Упоминаемому здѣсь впервые итальянцу Пенизи суждено было вскорѣ сыграть весьма печальную роль въ жизни семьи Герцена — и о немъ придется говорить подробнѣе въ дальнѣйшемъ. Страстно увлекшись Натальей Александровной, но не встрѣчая съ ея стороны взаимности, Пенизи не останавливался передъ самыми низкими средствами, чтобы вынудить у нея согласіе на бракъ съ нимъ. Преслѣдованія Пенизи довели Нат. Алекс. въ концѣ 1869 г. до душевнаго заболѣванія.

¹⁰¹) Четыре письма къ Бакунину, написанныя Герценомъ въ теченіе 1869 г., были опубликованы уже послѣ его смерти, подъ общимъ заглавіемъ «Къ старому товарищу». Они подводятъ итогъ обострившимся за послѣдніе годы расхожденіямъ съ Бакунинымъ, безплодному революціонизму котораго («духъ разрушенія есть созидующій духъ») Герценъ противопоставляетъ идею органической эволюціи общественныхъ отношеній, а безпринципной неразборчивости въ средствахъ — призывъ бороться за высокія цѣли лишь морально

наеть проповѣдывать. Абстрактно онъ правъ — но на приложеніи, онъ внѣ возможныхъ данныхъ. Между тѣмъ русская молодежь — принимаетъ au pied de la lettre его программы. Студенты собираются составлять разбойничьи банды. Бакунинъ совѣтуетъ жечь всѣ документы — уничтожать вещи и шадить людей.

Вотъ куда привела глупость правительства и упорная скудость буржуазіи. Въ этой разрушительной формѣ о которой мечтаетъ старый студентъ Бакунинъ и наши молодые бакунята — ничего не будетъ на первыхъ порахъ, но *debasle* начался. Самое важное происшествіе, это одна изъ рѣчей Тьера — (она будетъ въ *L'Egalité*), въ которой старикъ съ ужасомъ говорить о наступающей «экономической республикѣ» и радуется, «что онъ не доживетъ». Волненія въ Парижѣ сильны. Частью правительство поджигаетъ, но частью оно существуетъ въ умахъ. Всѣ чего то ждутъ. Я увѣренъ, что Наполеонъ самъ не знаетъ, что дѣлать.

Въ Лозаннѣ *Grand Conseil* грозилъ работникамъ солдатами. Здѣсь *Car* (...) кой какъ ладить — но *Journ. de Genève*, уже напечаталъ насчетъ высылки Бакунина.

Сегодня ровно двадцать лѣтъ — какъ я съ Сазоновымъ^{101b)} были на послѣдней революціонной демонстраціи — 13 Іюня 1849, послѣ которой уѣхали въ Женеву. Поспала Франція довольно, кажется она просыпается—но есть ли сила и умъ—это вопросъ

чистымъ оружіемъ. По своему содержанію, какъ бы обобщающему пройденный жизненный путь, эти замѣчательныя письма, отмѣченные глубиной мысли и нравственнымъ пафосомъ, являются общественно-политическимъ завѣщаніемъ Герцена передъ недалекой уже кончиной. — Наряду съ идейными расхожденіями, росло у Герцена и личное охлажденіе къ Бакунину Герценъ не переносилъ моральную безпринципность, которой были проникнуты у Бакунина не только его общественная дѣятельность, но и личныя отношенія. «Бакунинъ — великія дрожжи, если надобно приводить въ движеніе, и великій міазмъ, если не нужно», говорилъ про него Герценъ. Въ условіяхъ эмигрантскаго прозябанія, естественно, чаще проявлялись у Бакунина эти непріятельскія черты характера, особенно послѣ того, какъ онъ, съ появленіемъ въ эмиграціи Нечаева (въ мартѣ 1869 г.), всецѣло подпалъ подъ влияние послѣдняго

^{101a)} Журналъ «*L'Egalité*» выходилъ съ 1868 г. въ Женевѣ, подъ редакціей Ш. Перрона, рабочаго по эмали, при ближайшемъ участіи Бакунина, Эл. Рекаю и др.

^{101b)} Сазоновъ Ник. Ив. (1815-1862), другъ молодости и членъ университетскаго кружка Герцена и Огарева. Эмигрировалъ въ 1840 г.

Здѣсь въ пансіонѣ — 19 Rue l'Évêque, такъ тихо, что мы торопимся медленно въ Брюссель. Съ Огар. видаемся часто. Онъ тотъ же добрый и святой, но и слабый въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Его жаль оставить, жизнь все таки мудрена. Вліянье Мери нехорошо и она забираетъ все больше и больше власти. Въ Генри я не вижу искры улучшенія, а Огаревъ вѣрить ему.

Покажи письмо это Сашѣ.

Тутса Огаревъ любить чрезвычайно — но въ М. такое отсутствіе смысла воспитанія, что я считаю безусловно необходимымъ его отдать въ пансіонъ — напр. въ началъ будущаго года. Саша долженъ объ этомъ думать. О переездѣ Огарева въ Брюссель и не думаю. Онъ готовъ переѣхать, но кажется хочетъ забирать Генри и пр. Ходить Огаревъ рѣшительно можетъ. М. водить его въ казино — и Ог. ходитъ пѣшкомъ и сидитъ въ духотѣ. Кстати послѣднее время онъ опять пьетъ больше чѣмъ слѣдуетъ. Но скорѣе въ хорошемъ расположеніи. Вотъ подробно обо всемъ. Теперь къ важнѣйшему.

Я къ Ольгѣ написалъ — Огар. и Н. тоже ¹⁰²⁾. Тебѣ и одной тебѣ предстоитъ — отстранить весь ненужный характеръ — сообщенье лично важнаго. Пойми, что на этомъ — и на отвѣтахъ Ольгѣ — къ Nat. можетъ устроить, или новый покой, или еще худшее распаденье. Н. здѣсь въ очень хорошемъ настроеніи, она годы не была такъ дружелюбна съ Огаревымъ и Огар. это очень оцѣнила. Она даже не прочь остаться въ Женевѣ — но я пола-

102) Рѣшившись наконецъ открыть дочери Ольгѣ истинный характеръ его отношеній съ Н. А. Огаревой и Лизой, Герценъ писалъ ей во Флоренцію (13 июня 1869 г.): «Прошу твоего полного вниманія и открытаго сердца, такъ какъ собираюсь сообщить тебѣ весьма важное обстоятельство, которое должно оказать невѣроятно большое вліяніе на наши отношенія. Оно проведетъ черту между прошедшимъ и будущимъ. Оно должно насъ сблизить, сдѣлать болѣе тѣсными узлы, связывающія насъ. Годы цѣлые тяготятъ меня бремя, — твой возрастъ и нѣкоторыя мелкія соображенія, которыя все портятъ, заставили меня держать отъ тебя въ секретѣ, что Лиза — твоя сестра, и что Натали, вы и Лиза составляете одну семью, въ которой, какъ братъ и отецъ, какъ другъ и близкій родственникъ, остается Огаревъ, любящій васъ всѣхъ, какъ онъ любилъ меня и вашу мать... Теперь моя совѣсть спокойна.. Вдали ли отъ насъ, вблизи ли насъ, ты остаешься моею дочерью, у меня нѣтъ больше тайнъ отъ тебя... Черезъ нѣсколько дней, получивъ отвѣтное письмо О. А., Герценъ писалъ М. Мейзенбургъ: «Вы не можете себѣ представить, какъ я доволенъ тѣмъ, что избавился отъ лжи.. Надо было разрубить узлы, и письмо Ольги очень расстрогало меня своимъ естественнымъ и спокойнымъ тономъ».

гаю что годъ въ Брюселѣ (можетъ $\frac{1}{2}$ года) на мѣстѣ. Еслибъ Мери была умнѣе и можетъ пошире — я бы нанялъ двойную квартиру. Но она хочетъ играть роль — а Огар. поддается и хочетъ при себѣ держать и Тутса и Генри. Съ этимъ не пойдетъ. N. и Лиза бывають у него.

Воспроизводится впервые

Ольга Александровна Герценъ

въ 1867 г.

Теперь Тата ты должна всему помочь. Во первыхъ объясни Ольгѣ — почему отъ нея все было скрыто — во вторыхъ скажи ей, что никогда, ни одного дня не было лжи въ отношеніи Огар. — Совсѣмъ напротивъ ни одного обмана, ни одного объясненія не было съ нимъ. Непріятныя вещи надѣлавшія столь-

ко бѣдѣ — всѣ вышли послѣ и именно изъ за столкновѣнья съ нами.

Пусть Ольга напишетъ ко мнѣ сейчасъ и особо къ N. — пусть помнитъ то что Лиза еще не знаетъ и потому ей надобно писать осторожно — напр. она можетъ ее шути назвать сестрой и — ты прибавь, что хочешь ее также называть и что будешь ее звать «Герцень-Огарева» — или иначе, но осторожно. Пиши и ты къ N. Странно, кажется у нея все разныя мысли о тебѣ и Сашѣ — а письмо Терезины и письмо Саши, а потомъ твое, ее безмѣрно радуютъ. Она дѣйствительно не пришла къ полному отчегу всѣхъ отношеній. Теперь она несравненно лучше расположена къ Сашѣ — о тебѣ уже *idée fixe* что ты Лизу не любишь (долею въ этомъ виновата твоя манера — это тебѣ говорилъ ужъ). Отчего Саша не пишетъ — объ этомъ предметѣ. — Ну и довольно. Цѣлую тебя.

Благосвѣтловъ предлагалъ мнѣ 100 руб. серебромъ съ листа, что бы писать въ «Дѣло» и спрашиваетъ Сашу, не хочетъ ли писать корреспонденціи объ ученой Италиі — ему онъ все же дастъ 50 руб. 150 и 175 фр. съ листа — если не надобно переводить. Прощай. Разказы пришлю. А что же «Недѣля» пришла?

1869. 22 Іюня. Все Женева.

Твое письмо получилъ и очень доволенъ спокойнымъ впечатлѣніемъ на Ольгу, — теперь жду ея письма.

Наши дѣла и контроверзы не такъ легко разказать какъ ты думаешь, частью все идетъ спокойное и дружественнѣе, чѣмъ когда нибуль. Даже Чернешій — развеселилъ свой угрюмый видъ (но не Тхоржевскій старѣющій на Долгоруков. фондахъ — вѣчно тревожный и пр.). Nat. въ большой пріязни съ Бакуи. Онъ раза три ужино-обѣдаегъ у насъ, Ог. почти всякій день. Но въ общемъ за то идетъ война. Я какъ и въ Ниццѣ несогласенъ съ Бакуинимъ и петербургски-студентской пропагандой и тутъ совсѣмъ расхожусь не только съ Бакуинимъ, но и съ Огар. ¹⁰³⁾ Огар. сталъ такой кровожадный — что и Богъ упаси. Пугачають и стращають. Бакуинъ не только на Волгѣ, но

¹⁰³⁾ Огаревъ, къ большому огорченію Герцена, все больше подчинялся вліянію Бакунина, а этотъ послѣдній въ свою очередь былъ въ то время слѣпо увлеченъ Нечаевымъ, съ которымъ, впрочемъ, у него и въ натурѣ было несомнѣнное духовное сродство. Оба вѣрили въ творческую роль разрушенія, исповѣдовали, что цѣль оправдываетъ всѣ средства, — повиднмому, Бакуинъ даже раздѣляетъ съ Нечаевымъ печальную честь авторства знаменитаго «Революціоннаго

и тутъ на Ронѣ проповѣдуетъ свѣтопреставленіе. Полемика отхрытая будетъ напечатана, отвѣтъ писалъ Огаревъ.

Противостоять я силы не имѣю — и потому все же не вижу возможности долго здѣсь засиживаться. Иначе дойдетъ до неприятныхъ споровъ, а можетъ и до печатной протестаціи — что вредно и не хочется дѣлать.

Конечно повѣсти въ «Egalité», немного раскрашены — но фонъ справедливъ, глупость правительствъ и двойная глупость буржуа — таковы, что они всѣхъ спорѣ осуществляютъ мѣстами идеалы Бак.

Лѣто удивительное. Я опять надѣлъ зимнее платье. Постоянная стужа, дождь и вѣтры. Всѣ — въ пальто. Ог. ѣздитъ съ шинелью (на рукѣ).

Лиза упала съ лѣстницы — дня черезъ 4, у нея сталъ болѣть большой палецъ на ногѣ и надобно было посылать за Майоромъ. Теперь лучше.

Пиши мнѣ dann und wann о г. Шифѣ. Мнѣ эта курьезность потому и не по сердцу, что курьезность. Ты знаешь, что всегда (написавши предварительно) ты можешь ѣхать въ Женеву и на первый случай остановиться у Касаткиной, если меня нѣтъ. Но я откровенно думаю, что твое присутствіе еще необходимо для Ольги. Пока прощай.

Посылаю профъ разск. и V книжку Толстого. Постѣдную

Катехизиса». Все смещеннаѣе должно быть разрушено до основанія, — основныя формы жизни могутъ произойти только изъ совершенной аморфности, утверждалъ Бакунинъ. Въ своихъ прокламаціяхъ къ студентамъ (1869 г.) Бакунинъ призывалъ ихъ бросать университетъ и академіи. «этотъ міръ, обреченный на гибель» и идти въ народъ, не съ тѣмъ, чтобы просвѣщать его, а чтобы поднимать его на бунтъ. «Не признавая другой какой-либо дѣятельности, кромѣ дѣла истребленія, Бакунинъ оправдываетъ для этого всѣ средства «Ядъ, ножъ, летя.. революція все равно освѣщаетъ въ этой борьбѣ». Отсюда послѣдовательно онъ дѣлаетъ и слѣдующій шагъ: призываетъ въ союзники для разрушенія современнаго общества преступный міръ, слѣпыя стихіи и темныя страсти. «Разбой — одна изъ почетнѣйшихъ формъ русской народной жизни.. Разбойники въ лѣсахъ, въ городахъ, въ деревняхъ.. заключенные въ безчисленныхъ острогахъ имперіи, составляютъ одинъ, нераздѣльный, крѣпко связанный міръ — міръ русской революціи... Кто хочетъ революціи народной, тотъ долженъ идти въ этотъ міръ» Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Бакунину Герценъ рѣшительно осуждаетъ какъ «ненстоящую и самую вредную демагогію» «такіе призывы къ тому, чтобы оставить науку и идти на какой то безсмысленный бой разрушенія» и настаиваетъ, что «великіе перевороты не дѣлаются разнуздываніемъ дикихъ страстей»

когда прочтешь (въ ней много уродствъ, но много необыкновенно знакомящаго съ тѣмъ временемъ даже мой отецъ на сценѣ, но слупо и невѣрно)¹⁰⁴). Отошли непремѣнно Маріи Каспаровнѣ. Отъ Пенниси письма не было. Пришла ли Мазурка. Пошлю разныя флугшрифты (....) нашихъ Мара¹⁰⁵.

24 Юня. 1869.

(Сыну Ал. Ал.).

Кажется мы окончателно ѣдемъ 28 — черезъ Страсбургъ. Дорога длинная, но не дороже и увидимъ Страсбургъ, Стеллу¹⁰⁶ и другой край. Стало 1-го или 2-го Юля будемъ въ Брюссель. Я тамъ какъ шпеер, буду изучать почву до Декабря. Если дѣйствительно хорошо — останусь на зиму и только прїѣду въ Женеву навѣстить Огарева — ты могъ бы тоже прїѣхать недѣли на двѣ. Если дурно, — да Чернецкій переѣдетъ въ Геную, попробуемъ можетъ Геную. Я жду твоего отвѣта и «экспертизы». Для тебя я предлагалъ это нашъ опытъ — и повторю, вовсе не навязываю.

Мнѣ жаль, что ты ничего не писалъ объ Ольгѣ — и о твоёмъ взглядѣ на мое письмо. Я долженъ былъ такъ поступить — потому что ложь стала меня мучить.

Я тебѣ послалъ разныя прокламаціи и Flügсchriften долею они изъ Россіи и долею вышли въ разныхъ мѣстахъ, ты теперь ихъ никому не давай — а если дашь, возьми назадъ. Разумѣется печатное не секретъ — но теперь не нужно, что бы шпіоны знали, а у васъ отличный Род. Надѣюсь, что всѣ наши его не пускаютъ⁴).

Скажи Татѣ, что отъ Мар. Касп. получилъ письмо и послалъ ея дѣтямъ подарки. Она здорова. Мерч. въ Германіи и пишетъ, что Сергѣй Боткинъ будетъ скоро въ Тривули, Парижѣ и Брюссель — стало я его увижу. Впрочемъ я на сей годъ свободенъ отъ Вишей. Писалъ я вамъ, что Ник. Боткинъ

¹⁰⁴) Наполеонъ, напрасно прождавъ «московскихъ бояръ» съ ключами отъ города, не зная, какъ вступить въ сношенія съ имп. Александромъ. Случайно въ горячей Москвѣ одинъ изъ его свиты встрѣтилъ отца Герцена, И. А. Яковлева, котораго зная раньше по Парижу. «Наполеонъ призываетъ къ себѣ ограбленнаго и оборваннаго кап. Якутска. подробно налагаетъ ему всю свою политику и свое великодушіе и, написавъ письмо къ имп. Александру, отправляетъ Яковлева въ Петербургъ» («Война и Миръ», т. IV, ч. 2). Болѣе точный разсказъ о томъ же у Герцена въ «Быль. и Думъ» т. I.

¹⁰⁵) Вѣроятно — Маратовъ Герценъ имѣеть въ виду Бакунина и его окруженіе

упалъ изъ окна въ Пештѣ и разбился до смерти. В. Боткинъ въ Италіи (а не ѣхать ли на зиму въ Неаполь — если не слюбится въ Брюсселѣ).

Если ты имѣешь что нибудь сообщить о типографіи въ Генуѣ — пиши прямо къ Чернецкому или Огареву — на ихъ имя. Если будешь писать мнѣ — на всякій случай адресуй письмо все же въ Женеву, Тхорж. или Огар. они перешлютъ — можетъ въ Страсбургѣ остановлюсь.

Пишите: Bruxelles. Poste restante.

*) О спорахъ съ Ага и Бакун, никому ни слова.

1869. Юня 29-го. Вторникъ, Basel. Schweizerhof.

Есть ли у Ольги продолженъе «Histoire d'un paysan» Еркм.¹⁰⁷). Если нѣтъ — купите непременно полное изданье — оно очень дешево и картинки не дурны, рельефнѣе трудно представить эту эпоху. Обращено на это особенное вниманье. Я сегодня утромъ и вчера вечеромъ читалъ съ большимъ интересомъ.

Благодаря тому, что швейцарцы ночью спятъ — мы должны были здѣсь переночевать, ночныхъ trains нѣтъ. Ъдемъ въ часъ въ Страсбургъ и въ семь будемъ тамъ. Два дня была духота — и я дѣйствительно — жара не могу выносить.

Вопросъ — нуженъ ли Сантъ его зоологическій лексиконъ Шешо, если нѣтъ, то не желаетъ ли продать его за полцѣны. Я его тогда пожертвую въ интернаціональную рабочую библиотеку — въ которую отдалъ бездну книгъ, картъ, атласовъ и пр. (Въ Egalité было спасибо).

Въ Страсбургѣ буду ждать разныхъ писемъ и вѣроятно въ Брюссель приѣду 4 или 5 Юля.

Проѣздъ Анны Платоновны¹⁰⁸) — прошелъ хорошо. Она была безъ Зубова — дочь ея будетъ имѣть 350.000 руб. сер. доходу. — Огаревъ во время оно страшно помогаль имъ, Плаутингъ игралъ, проигрывалъ. Огаревъ поподнялъ ихъ дефициты. Теперь Огаревъ въ худшемъ положеніи, чѣмъ тѣ когда нибудь (они) были — но онъ все скрылъ, а она ничего не открыла.

¹⁰⁶) Возможно — полковникъ Стелла, польскій эмигрантъ.

¹⁰⁷) Эркманъ-Шатрианъ.

¹⁰⁸) Анна Платоновна — сестра Огарева, замужемъ за полк. С. Ф. Плаутинимъ. Зубовъ — мужъ ихъ дочери Вѣры Сергѣевны, очень богатый человекъ.

Отъ Пенизи письмо получилъ, болѣе длинное, чѣмъ дѣльное — говорить, что ты ему давала уроки — «много выполнявшихъ недостатки его образования» — что за вздоръ. Отдай ему прилагаемую записку. Пусть Саша скажетъ ему насчетъ книгопродавца.

Если будетъ второе изданье на французскомъ языкѣ — мнѣ будетъ необходимо дать второй томъ изданья *Delavaucci*¹⁰⁹⁾. Я искалъ въ твоихъ бумагахъ и Шифовыхъ — но нашелъ только первый томъ. Есть у тебя.

А Саша только что расхвастался климатомъ въ *Avenue Mada-me Similiair*'ѣ. Ольгу, и Терезину и Сашу обнимаю. Меяъ. пишетъ — не ко мнѣ — (грамматика Полины вятской¹¹⁰⁾ итакъ *Addio*.

1869. 4 июля, Bruxelles. Hôtel Belle Vue.

Ну вотъ и Брюсель. Мы приѣхали второго. Вчера были на почтѣ, но писемъ нѣтъ отъ васъ. Мы ѣхали отъ Люксембурга подъ ливнемъ и при грозѣ — несмотря на то стужа продолжается. Наглазно разумѣется Брюсель гораздо комфортабельнѣе Турина, Милана и всѣхъ городовъ Швейцарии. Это не только историческое воспоминанье — но и живый узелъ. Во всякомъ случаѣ годъ здѣсь прожить можно — но моя программа не идетъ далѣе (на первый случай) Декабря мѣсяца. Не знаю какъ остальная — но квартиры дороги, отели очень.

У Лизы довольно сильный кашель. А пророзъ Туцъ кашлялъ все время пока мы были въ Женевѣ. Получили ли вы письмо изъ Базеля, или Страсбурга.

Засимъ жду вашихъ писемъ. Прошайте.

Въ Страсбургѣ было получено письмо, черезъ Тхоржевскаго, что *Mme Michel*¹¹¹⁾ разбилъ параличъ и что она едва жива. Намъ было ѣхать черезъ Мецъ — и потомъ мы ночевали тамъ. Н. — не могла видѣть ее докторъ не пускаетъ. За то я видѣлъ Мецъ и Nancy (очень замѣчательный городъ) и провѣрилъ всѣ рассказы *Eckman* и *Châtre*.

¹⁰⁹⁾ Повидимому, неправильно разобрано, слѣдуетъ читать *Delavaucci* — переводчикъ и первый издатель по французски «Было и Думъ»

¹¹⁰⁾ ? — Возможно, что такъ называетъ здѣсь Герценъ Полину Левицкую (см прим. 85).

¹¹¹⁾ Каролина Мишель, близкій человекъ семьи Тучковыхъ, бывшая гувернантка Н и Е Тучковыхъ въ Яхонтовѣ. Подъ конецъ жизни К. Мишель, покинула Россію, поселилась въ Мецѣ, пансіонеркой въ женскомъ монастырѣ.

5 Юля.

На этомъ мѣстѣ застало насъ твое письмо о Владимірѣ — я писалъ объ этомъ Сашѣ. Я вспомнилъ при этомъ рядъ дѣтскихъ смертей съ ужасами и самую страшную — операцию въ Парижѣ ¹¹²⁾.

Да, хорошо семейное счастье, но терній настолько больше, чѣмъ розъ — что почти безумно ихъ рвать. Пиши какъ пойдетъ дѣло.

1869, 13 Юля. 18, Rue de Paris.

Милая Тата.

Насчетъ Брюсселя, то есть всей вѣтшей части жизни — я скажу одно, что безъ сомнѣнья это одинъ изъ самыхъ образованныхъ городовъ, со всѣми удобствами и той выработкой которая исторіей дѣлается (...) даетъ особенно латинской цивилизаціей. Жить здѣсь можно, даже очень хорошо, дома всѣ съ печами. Но разумѣется ни Англійской, ни Швейцарской воли нѣтъ. На дняхъ выслали одного француза — за участіе въ international'ѣ.

Вчера я былъ въ большомъ театрѣ, давали «Patrie», Сарду, самъ авторъ пріѣзжалъ ставить. Шло хорошо и постановка богатая.

О книгахъ и ихъ изданіи еще ничего не узнали. Фонтанъ надѣдается донелъзя: Muller Стрибинговскаго на пана — за вычетомъ панскаго добродушія и Стрибинговскаго классическаго знанья ¹¹³⁾.

До Сентября я и не совѣтую тебѣ ѣздить сюда. Жаль, что безпокойная наша старушка ¹¹⁴⁾ — возитъ васъ безъ толку. Жила бы себѣ покойно, да занималась бы дѣломъ а потомъ и придумала бы что нибудь.

Что касается до всяческой дѣятельности — политической, христіанской, ученой, соціальной — здѣсь она кипитъ въ этомъ

112) Герценъ имѣетъ въ виду операцию, которой въ 1864 г. въ Парижѣ пытались спасти задыхавшихся отъ дифтерита его дѣтей близнецовъ (см. прим. 21а). Ему самому пришлось держать умирающихъ дѣтей на рукахъ, въ то время какъ врачъ рѣзалъ имъ горло.

113а) Брюссельскій книгоиздатель Fontaine.

113) Кострукція фразы, если только она правильно разобрана, не совсемъ ясна. Мюллеръ-Стрибингъ — нѣмецкій археологъ и философъ, участникъ революціи 1848 г., давній знакомый Герцена и Огарева. Панъ — С. Тхоржевскій.

114) Мальвида Мейзенбургъ.

какъ и во всемъ — Брюсель очень похожъ на Парижъ. Вѣроятно вы какъ нибудь слѣдите за новостями изъ Франціи. Двинулась и эта старуха.

«Комисаровъ» — пойдетъ повѣшенымъ, одни говорятъ что онъ убитъ, другіе, что самъ повѣсился. Страшная судьба.

Все, что ты пишешь о Ш. ¹¹³⁾ очень хорошо — но помни же мой совѣтъ и вѣрь моему инстинкту — «герой не твоего романа» — лучше уѣзжай.

У насъ была траги-комическая исторія. Хозяйка насъ надула, то есть скрыла, что она хозяйину должна. Вдругъ явились huissiers, разные альгвазилы и сдѣлали saisie мебели, поставили сторожа и пр. Хозяйка съдая, всклокоченная какъ Бернацкій — въ слезы, я въ бѣшенствѣ, — до 1-го Августа заплатилъ и жду сегодня опять всякихъ huissiers — того и смотри, что франковъ 600 такъ и лопнуть.

Цѣлую Ольгу. Ну лучше бы ей на воздухъ морской. Я ей посылаю на уроки 160 и тебѣ на хозяйство 100. Ну а что Мальвину здоровье? Вырѣзку не надо ей показывать. Не Кина ли ¹¹⁴⁾ писала.

Татѣ. 19 Июля. 1869.

Только нѣсколько строкъ, здѣсь недурно — и жить очень можно. Худшее, что выгоняютъ попрежнему иностранцевъ. Отъ рѣшенья дѣлъ въ Парижѣ — будетъ зависть, можно ли здѣсь остаться или нѣтъ. Это само по себѣ худо. Послѣ Брюселя остается одинъ Лондонъ (и Нью-Йоркъ). Швейцарія все же непроходима скучна, грубые, аляповатые (...) оскорбляютъ и поддерживаютъ раздраженіе и озлобленіе.

Меня одинъ книгопродавецъ подбиваетъ публично прочесть отрывки изъ «Былого и Думъ», во французскомъ переводѣ. Не знаю еще. Издается все плохо, французскія дѣла поглощаютъ все и всѣхъ.

Прилагаю критику Мальв, которую забылъ. Что вы такъ мало пишете.

Пиши N. на мой адресъ, или на мое имя ¹¹⁵⁾. Здѣсь такъ

¹¹³⁾ Докторъ Гуго Шифъ, одинъ изъ претендентовъ на руку Нат. Алекс. (см. прим. 1 и 19).

¹¹⁴⁾ Вѣроятно, Mme Quinet, которой Герценъ незадолго передъ тѣмъ поднесъ мемуары М. Мейзенбургъ.

¹¹⁵⁾ Одновременно Герценъ писалъ Н. А. Огаревой: «Съ выѣзда изъ Женевы мы и а з о в е м с я о д н и м ѣ и м е н е м ѣ. Лизѣ надо здѣсь еще втроемъ сказать, не поражая воображенія; она должна любить также Ага, пусть она и его называетъ папой, какъ преж-

записано. Съ Лизой N. много говорила, она очень понимает, очень умно понимает. Но все это было рано и ненужно. Ольгу цѣлую. Отъ Нефталы ^{116a)} письмо, блаженствуетъ въ Америкѣ. Что здоровье Мальвиды. Скажи ей, что одинъ Д-ръ написалъ книгу «О причинахъ болѣзней» въ которой, онъ приписываетъ болѣзни дурному социальному устройству — и между прочимъ, говорить, что считать сѣверные климаты нездоровыми — совершенный предрасудокъ. Что «локальные обстоятельства и образъ жизни, сверхъ наслѣдственныхъ золь — подтачиваютъ организмы», а степень холода и жары — статистически немного вліянья имѣютъ.

Прощай.

(Рукой А. А. Герцена).

Папаша кажется непрочъ, что бы ты оставалась здѣсь. Дѣлай какъ знаешь и хочешь, ничего новаго. Ге прислалъ мнѣ вчера два тома Отеч. Зап. для тебя, хочешь ихъ имѣть сейчасъ. Пенизи мнѣ сказалъ, что онъ хочетъ прежде показать тебѣ свою работу объ *Responsabilité*, а потомъ пошлетъ мнѣ. Напоминай это ему каждый день. Терезина съ неожиданной страстью принимаетъ участие въ социальныхъ вопросахъ и мы постоянно устраиваемъ вдвоемъ будущее общество, приметъ ли человечество нашу программу — это другой вопросъ. Критическую статейку о Мальвидиныхъ мемуарахъ, я тебѣ пришло въ другомъ письмѣ — ты ей не показывай. Что же вы такъ мало пишете.

Сколько думаете еще оставаться въ Antignano.

де». — Огаревъ любилъ Лизу, по его собственному выраженію, «фантастически-романтической» любовью, «до безумія». На Лизѣ соединились для Огарева еще неизжитое чувство къ оставившей его женѣ, «любовь ожидавшая, надѣявшаяся, — любовь скорбящая и рыдающая», и идеальное чувство дружбы къ Герцену. Еще въ 1859 г., когда Лизѣ былъ всего годъ, Огаревъ писалъ Герцену: «Я купилъ Лизѣ кольцо, простое золотое кольцо, которое пошлю отъ насъ. Я хочу этотъ символъ вѣнчанья, т. е. союза насъ съ Лизой — хочу, чтобы онъ ей остался памятью объ насъ, когда она вырастетъ и мы померемъ, и знакомъ нераздѣльности насъ съ нею». Въ свою очередь Герценъ, открывая въ 1869 г. дочери Ольгѣ тайну рожденія Лизы (см. прим. 102), писалъ ей: «Лиза должна соединить оба наши имени и называться Герценъ-Огаревой. Лиза насъ соединитъ (съ Огаревымъ) и будетъ нашей представительницей по ту сторону гроба, она продолжитъ традицію нашей дружбы».

^{116a)} Докторъ Нефталы, знакомый Герцена еще по Лондону, эмигрировавшій затѣмъ въ Америку (см. прим. 33).

Володырчикъ ростеть и толстѣеть и умнѣеть не по днямъ, а по часамъ.

Есть ли у Ольги порядочныя платья и все, что нужно.

1869. 29 июля. 18 Rue de Paris.

Любезная Тата,

Переписка наша идетъ плохо. Я не могу понять, что за разсѣянье, или что за дѣятельность васъ такъ сильно поглощаетъ въ Antignano.

На дняхъ мѣсяць, что мы здѣсь. Образъ жизни, ресурсы и все изучилъ я довольно хорошо. Брюсель именно таковъ, какимъ я его себѣ представлялъ. Всѣ удобства и всѣ интересы здѣсь представлены, даже всѣ французскія партіи. Не только Женева, но и Флоренція отстали. Не знаю, что климатъ зимой — теперь очень хорошо. По всему остаться бы здѣсь годъ можно. Но... тутъ то и пойдутъ но... въ полицейскомъ отношеніи, нѣтъ никакой *сесигитѣ*, можетъ до парижской грубости здѣсь не доходить — но деликатно выталкиваютъ какъ ничего. Главное гоненье разумѣется обращено на социализмъ. Здѣсь царство буржуазіи. Ясно, что для нея нѣтъ злѣйшаго врага, чѣмъ социализмъ. Я не намѣренъ ни въ журналахъ писать, ни рѣчей рчить — но не позволю никакому правительству мѣшаться въ мои знакомства и ни въ одномъ разговорѣ не скрою моего образа мыслей, (....). Ну и насчитай фатеру на эту манеру. Посмотрю еще до 1-го Сентября, сроку довольно.

Если же ѣхать — куда. Въ Женевѣ можно бы жить. Огар. очень въ хорошихъ отношеньяхъ съ N. и она съ шимъ. Но нельзя себѣ представить, какъ удушливъ Бакунинъ и какъ Огар. совершенно подлѣ влияньемъ дома — этой дурочки¹¹⁷), а внѣ — разныхъ юношей. Это составить тяжесть неимовѣрною — и будетъ раздражать денно и ношно. Вотъ тутъ то и ломай себѣ голову. Ужъ опять не въ Туринъ ли.

Читаешь ли ты съ Ольгой по русски и что Лиза начала ходить въ школу — (до 500 ученицъ). До сихъ поръ она съ дороги сильно кашляла.

Пиши къ Лизѣ (и ты и Ольга) и какъ можно милѣе, называя ее просто сестрицей.

1869. Августъ. Получено 15 августа 1869.

Татѣ и Ольгѣ вмѣстѣ.

Такъ какъ Ольга опять начинаетъ вспоминать по русски —

¹¹⁷⁾ Мэри Сутерландъ (см. прим. 52).

я и хочу писать къ вамъ обѣимъ. Хорошо, что вы догадались писать на дняхъ — а то я сердился не на шутку не имѣя никакихъ вѣстей съ 12-го Іюля. Письмо Ольги пролежало на почтѣ двѣ недѣли — потому что Лиза вовсе не была записана на почтѣ.

Досадно, что ты Ольга все хворашь — а то всё твои желанья мало по малу исполняются и мы въ Брюсселѣ не остаемся. Меня вызвали здѣсь къ начальнику тайной полиціи — и хотя онъ очень учтиво предлагалъ остаться — но я разсудилъ, что лучше ѣхать назадъ въ нашу скучную, бнланую Женеву — и тамъ подумать, гдѣ намъ съѣхаться. Въ Коло, Туринѣ — даже въ Неаполѣ, или въ Венеціи.

Одинъ юрисконсультъ русскій передалъ мнѣ, что дѣло о капитанѣ Костровѣ^{117а)} — вовсе не пропащее и что, если Ольга придетъ — люди берутся выхлопотать — но тутъ hic et nunc.

Конечно Татѣ легче это сдѣлать, имѣя всё документы. Я полагаю увидѣться съ однимъ господиномъ, который мнѣ дастъ совѣтъ. Ну какъ на васъ это дѣйствуетъ. И какое ваше мнѣнье.

Malvida — la mémoiriste et l'idéaliste m'a chassé de sa mémoire l'idée de m'écrire ne lui vient pas — tandis que moi, je perds ma belle gigue, o well, o well, o well!

Изъ письма Таты, хотя она и говоритъ, что много занимается я мало вижу, что васъ особенно занимаетъ? Что вы серьезно дѣлаете? и пр.? Какую пятницу вы читаете, ту ли что была у Робинсона, или что бываетъ передъ субботой? Вы имѣете время написать письмо, мы ѣдемъ въ Антверпенъ, Роттердамъ, и возвратимся къ 17 — а 20 уѣздаемъ совсѣмъ — на Парижъ,

^{117а)} Вѣрю ли разобрано это мѣсто? Не правильнѣе ли вмѣсто «дѣло о капитанѣ Костровѣ» читать «дѣло о капитанѣ Костромѣ»? Такого лица, капитана Кострова, сколько мы знаемъ, въ окруженіи Герцена не было. Съ другой стороны, намъ извѣстно, что какъ разъ въ эти мѣсяцы Герцена заботила судьба «капитала, лежашаго въ лапахъ русскаго правительства» — принадлежавшаго ему въ Костром. губ. имѣнія. Одной изъ цѣлей неосуществившейся поѣздки въ Россію сына Герцена Ал. Ал. была реализація правъ на это имѣніе. Рассчитывалъ Герценъ также, что въ случаѣ выхода Нат. Ал. замужъ за русскаго, «русскій мужъ вытребовалъ бы Костром. деньги». Предлагалъ Герценъ и М. К. Рейхель «поѣхать съ Татой (въ Россію)... вѣроятно, ей отдали бы имѣніе или доходъ». — Вскорѣ, впрочемъ, Герценъ узналъ, что «костромское имѣніе взято въ казну; стало, и хлопотать больше не о чемъ».

или Гавръ, на свиданье съ D-г Боткинымъ. — Прощайте, цѣлую васъ.

А Долфи ¹¹⁸⁾ мнѣ жаль.

Мой «Докторъ и умирающій французъ» ¹¹⁹⁾ дѣлаютъ общій фуроръ.

1869. 15 Августа.

Ваше письмо и портреты, все удалось какъ нельзя лучше — Лиза въ восторгѣ. Она не въ самомъ дѣлѣ много учится, но въ самомъ дѣлѣ сильно умная и умъ ея пошибетъ какъ говорить русскіе, необыкновенно.

Вчера мы всѣ, то есть и Лиза, обѣдали у Гюго ¹²⁰⁾, кто бы это думалъ, годъ тому назадъ. Старикъ (ему 67 лѣтъ) очень милъ. — Саша судить по студенчески, въ Гюго есть сумасшедшія стороны — но неужели онъ можетъ думать, что можно владѣть умами во Франціи съ 1820-хъ годовъ до 69 — даромъ.

Вырубовымъ я очень недоволенъ, у него растетъ ненависть, просто ненависть къ Россіи.

Недоволенъ я еще фотографіей Саши — за то Терезиной и тобой очень, это лучшая твоя фотографія. Пойду сегодня и ве- лю себѣ офотигъ.

Думаю, что съ 15-20 сентября будемъ просто въ Парижѣ (тамъ вѣгерь совсѣмъ иной) можетъ и останусь тамъ до глубокой зимы — противъ Неаполя имѣю, но мало знаю и за. Парижъ практичнѣе. Провелъ я тамъ нѣсколько дней съ Тессе ¹²¹⁾ — онъ исцѣлъ васъ любить. Добрый человѣкъ, хорошо ведетъ свои дѣла (онъ поучаетъ 44.000 жал. (...)) и еще всякую пси-

¹¹⁸⁾ Джузеппе Долфи, сотрудникъ Мадзини и Гарибальди, внезапно поумъшавшійся въ это время и вскорѣ умершій, богатый хлѣботорговецъ во Флоренціи, «настоящій трибунъ и большой умница», по характеристикѣ Герцена.

¹¹⁹⁾ Очерки «Докторъ, умирающіе и мертвые» напечатаны впервые уже послѣ смерти Герцена, въ «Сборникѣ посмертныхъ статей» въ 1870 г.

¹²⁰⁾ О встрѣчѣ своей съ Викторомъ Гюго въ Брюсселѣ Герценъ пишетъ Огареву. «Я нашелъ въ немъ любезнѣйшаго старика; принялъ онъ меня превосходно; говоритъ много но чрезвычайно умно и слогомъ, который лучше его печатныхъ фейерверковъ». Относительно обѣда у В. Гюго см. подробности въ «Воспоминаніяхъ» Н. А. Тучковой-Огаревой, гл. XVI.

¹²¹⁾ Тессе дю Мотъ, б. французскій эмигрантъ, издавна преданный Герцену и его семьѣ (см. примъ 26), въ это время — директоръ компаніи по освидѣнію Парижа.

чину) — но — но хорошъ и при дворѣ и носить красную ленточку.

Во вторникъ хотимъ мы сдѣлать экскурсію въ Антверпенъ, оттуда на пароходѣ въ Роттердамъ и Амстердамъ — на это надобно дней 6 — потомъ воротимся сюда и будемъ собираться въ Парижъ.

Въ Siècle 1 Сентября и въ Liberté 31 Августа были мои затрещины Швейцаріи — литературно, я въ Парижѣ очень хорошо стою теперь и хоть съ Лакруа¹²²⁾ поругался, думаю, что онъ изданье сдѣлаетъ.

Прошай.

Во Флоренціи, я думаю положенье Н. будетъ труднѣе. Напиши мнѣ объ этомъ, тайны изъ рожденья Лизы теперь дѣлать не нужно.

Получены ли деньги 2.000.

(Сыну А. А. Герцену).

1869. 1 Сентября. Брюсель. Poste-restante.

Тебѣ и Татѣ.

Что за милая Мальвида, и что за колоссальное здоровье. Уѣхать въ Мюнхенъ для Вагнеровской оперы — на 14 дней, не дать адреса и не подумать о томъ, что отъ Мюнхена въ Брюсель нѣтъ ни горъ, ни морей. Я дѣйствительно считаю ее немного поврежденной. Но видно *somme tout*, что Ольга больше подъ ея вліяньемъ — чѣмъ подъ твоимъ, Тата. Я съ глубокой горестью вижу, что — мнѣ очень трудно добиться на нее вліянья. И пока вижу одно средство — переѣздъ въ Парижъ. Вѣроятно (...) согласится.. Мѣсто жительства Ольги зависить отъ Пановки — здоровье Мейзенб. не серьезный резонъ, она это доказала.

Какіе планы у тебя, Тата. Мнѣ Швейцарія опротивѣла окончательно послѣ Обол. исторіи¹²³⁾.

Теперь къ тебѣ Саша просьба. Я вынулъ вчера портретъ

¹²²⁾ DeLacroix, издатель и книгопродавецъ въ Парижѣ.

¹²³⁾ Жена ген.-адъютанта кн. Оболенскаго, гражданскаго губернагора Москвы, проживала со своими дѣтьми, раздѣльно отъ мужа, въ Швейцаріи, въ Везе. Вотъ какъ описывалъ Герценъ въ письмѣ къ сыну эту надѣлавшую въ свое время много шума «исторію Оболенской»: «Кн. Оболенскій съ эскадрой жандармовъ ворвался въ домъ жены, силой вытащилъ дѣтей и подъ охраной полиціи увезъ. Дочь ушла. Обол. бросился съ полиціей къ Утину и комп. искать; вышли брати, крики. Утина, Мрачковскаго, Щербину и др. бросили въ тюрьму».

Терезины (лучше всѣхъ и забыть, что ты посылаешь Татьянѣ Алекс.¹²⁴) отдать его въ альбомъ Лизы, она была такъ рада — что мнѣ было жаль ей отказать, а потому ты не пиши ничего, а пришли другой портретъ и на немъ сзади напиши «Татьянѣ Алексѣевнѣ Астраковой отъ сына ея друга». — Я для этого и для того, что бы сказать мнѣнье о Вагнероманіи поторопился написать. Я послалъ изъ Парижа 2.000 фр. — (Hogass-London) — это послѣдніе. Все вмѣстѣ нынѣшній годъ, я переслалъ и передалъ 16.000 съ чѣмъ нибудъ. Если бъ Тата и Ольга могли жить въ Парижѣ — можно было бы хорошо устроиться и дешевле. А впрочемъ, проживемъ и такъ.

Огаревъ спрашиваетъ не ѣхать ли въ Лондонъ. Его обыски въ типографіи Утина такъ же сконфузили. Досвиданья.

Цѣлую маленькаго и его необыкновенную маму. Напиши Ольгѣ о деньгахъ, что я прислалъ, а то Мальвида ее тамъ будетъ водить въ неглижахъ.

Ты еще напиши Мальвидѣ — въ мягкой формѣ о моемъ мнѣніи — да напомни, что изъ Флоренціи въ Геную было ближе.

Я писалъ разъ десять, чтобъ писать на мою фамилію — я здѣсь имени N. не написалъ — всѣ такъ и пишутъ — помни же, что это дѣлаетъ embarras.

12 Sept. 1869. Amsterdam. Amstel Hôtel.

Вотъ мы третій день на голандскихъ сваяхъ и плотинахъ. Изъ нихъ сутки испорчены, такой бурей и затѣмъ дождемъ, что и и не видывалъ. А то прогуляться интересно. Край оригинальный и не до того испошлившійся какъ Швейцарія. Всѣ встрѣчающіеся здѣсь люди — очень радушны и учтивы и коммуникативны. Большею частью, мы попадали на людей очень образованныхъ. Вѣроятно здѣсь есть черты сходства въ нравахъ съ Даніей и Швеціей. Все это въ сторонѣ — La Olande (....) какъ говорили шаривари свободы, много она больше въ нравахъ, чѣмъ въ законахъ. Процессъ по дѣламъ печати — неслыханное дѣло.

Опять вьюга и дождь. Есть отчего сойти съ ума.

Мы уѣхали 10-го въ обѣдъ изъ Брюсселя. Я послалъ Саши

124) Татьяна Алексѣевна Астракова (1814-1892), писательница, почитавшая свои беллетристическія произведенія въ «Москвитинкѣ», «Современникѣ», «Рус. Вѣдомостяхъ». Въ тридцатыхъ годахъ была близка къ кружку Герцена и Огарена. Съ юныхъ лѣтъ близкій другъ Нат. Александровны, жены Герцена.

отъ Ротшильда 2.000 27 Августа и писалъ ему 28-го. Я всякій разъ прошу тотчасъ писать о полученіи и Тхоржевскій, даже Огаревъ исполняютъ просьбу — Саша нѣтъ. Неужели письма такъ всё и пропадаютъ (одно твое навѣрно пропало, или было перехвачено — то въ которомъ ты писала объ Оболенск. — по этому дѣлу творились такія подлости, что я всему повѣрю. Впрочемъ съ кѣмъ было послано оно и какъ надписано.

Изъ дѣла Оболенской можно было бы сдѣлать дѣло европейское — я и началъ очень успѣшно — журналы, а въ Парижѣ началъ небольшую перестрѣлку по этому дѣлу — лучше этого нечего было ожидать. Но Утинъ и Сіе неспособны и на это. Бакунинъ по злобѣ на нихъ не помогаетъ. А рггроз, онъ ѣдетъ въ Туринъ на житье. А Утинъ, Жуковскій, Шербина и всѣ вевейскіе ученые въ Женеву. Мы ѣдемъ отсюда въ Гагу сегодня, завтра оттуда въ Роттердамъ — Антверпенъ и Брюссель — послѣ 20-го въ Парижъ.

Что же Ольга пріѣхала изъ Мюнхена? Она и Мальвида телеграфировали въ Женеву 4-го Сентября Лизѣ. Они такъ мало знаютъ обо мнѣ, что не имѣютъ понятія гдѣ я. Это почти замѣчательно.

Здѣсь встрѣтилъ на выставкѣ Адольфъ. Фогта — онъ что те былъ оторопѣвши. Все что ты пишешь о Терезинѣ, очень радуетъ, кланяйся ей.

Напиши, или скажи Сашѣ, чтобы онъ написалъ — какъ раздѣлили вы деньги — это послѣднія на 1869.

Обнимаю тебя.

Лиза путешествуетъ отъ души, все у насъ тихо идетъ и радно.

1869. 28 Окт. N-1 du Louvre. Середя.

Любезная Тата.

По твоему письму къ N. я ждалъ тотчасъ другого письма съ отвѣтомъ на мое и съ окончаньемъ исторіи о П. ¹²⁵⁾ — но письма нѣтъ. Я писалъ Мейзенб. и спрашивалъ откровенный и окончательный отвѣтъ — зимой она хочетъ переѣзжать, или весной. Вѣроятно, она этого письма (по ея адресу) вовсе не получила. Отвѣтъ могъ быть 5 дней тому назадъ. Между тѣмъ, я не могу нанять квартиры, не зная отвѣта. Для чего, вы все это дѣлаете — зная, что ждать вещь для меня мучительная. Отъ Саши было письмо. Онъ настоящій философъ, ничего не пишетъ о нашемъ переселеніи.

¹²⁵⁾ Пеклан (см. прим. 100а).

Теперь здѣсь холодъ.

Боткинъ уѣхалъ въ Петербургъ. Б—на ѣдетъ сегодня черезъ Францію въ Римъ, она больна, отдохнетъ сутки въ Ниццѣ — примите ее хорошо, — посылаетъ что то вальдырщику.

Pour couper court — je prie de télégraphier immédiatement — une de ces formules.

1° Nous venons tous — nous partons — ...par —

2. Malvida et Olga restent à Florence jusqu'au printemps.

Je donne la plus entière liberté — je n'insiste pas — mais je prie de ne pas me faire attendre les réponses.

Тебѣ, Тата, я думаю необходимо ѣхать, quand même.

Я готовъ опять въ Ниццу, или въ Генуу, еслибъ это было нужно.

На письмѣ, датированномъ 28 октября 1869 г., изъ Парижа, переписка Герцена съ дочерью внезапно, и на этотъ разъ окончательно, обрывается. Въ этотъ день Герцена какъ громомъ поразило извѣстie изъ Флоренціи: Наталья Александровна заболѣла истинически. А меньше чѣмъ черезъ три мѣсяца, прожитые въ непрестанныхъ тревогахъ и нравственныхъ мученіяхъ, умираетъ въ январѣ 1870 г. самъ Герценъ.

О событіяхъ, омрачившихъ послѣдніе мѣсяцы жизни Герцена и быть можетъ ускорившихъ его конецъ, слѣдуетъ сказать подробнѣе.

Ничто въ эту пору не предвѣщало новыхъ потрясеній. Наоборотъ, жизнь, казалось, начинала налаживаться. Съ конца сентября Герценъ поселился въ Парижѣ, — во Франціи послѣдніе годы вновь дышалось свободнѣе. Герценъ болѣе увѣренно смотритъ на будущее. Хочетъ снять квартиру на три года, — «повертѣвшись во весь міръ, все же надобно разбить гдѣ нибудь свой инвалидный домъ и въ немъ помѣстить большихъ и дѣтей». Н. А. Огарева теперь спокойнѣе и меньше мучить его, М. Мейзенбургъ согласилась, наконецъ, перѣѣхать съ Ольгой въ Парижъ. Герценъ надѣется осуществить всегдашнюю свою мечту: вновь соединить распавшуюся въ 1862 г. семью, если не подъ одной крышей, что невозможно изъ-за отношеній между Огаревой и Мейзенбургъ, то по крайней мѣрѣ въ одномъ городѣ. Мечтаетъ черезъ годъ перетащить въ Парижъ и стараго друга Огарева. Въ довершеніе благополучія, осматривавшій его въ Парижѣ проф. Боткинъ нашелъ значительное улучшеніе въ его здоровьи, — диабетъ начинаетъ казаться самому Герцену лишь легкимъ, «случайнымъ заболѣваніемъ». Вспоминая впоследствии это время, Герценъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Я думалъ, что новыхъ ударовъ не будетъ. Жизнь, словно уто-

мленная порогами, пошла покойнѣе, и, вдругъ, новый обрывъ — и каковой!»

Предвѣстникомъ катастрофы явилось, въ послѣднихъ числахъ октября, сообщеніе сына изъ Флоренціи объ очень нервномъ состояніи Таты. Герценъ еще не слишкомъ встревоженъ этимъ. Ему известна лишь часть правды объ осложнившихся у Нат. Ал. съ Пенизи отношеніяхъ (см. прим. 100а), но зная отъ дочери, что она не питаетъ къ итальянцу отвѣтныхъ чувствъ, Герценъ только настаивалъ на безотлагательномъ прїѣздѣ ея въ Парижъ. Но было уже поздно. На слѣдующій день пришло отъ Ал. Ал. новое письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что Нат. Ал. серьезно занемогла и просила отца немедленно прїѣхать. Наконецъ, на телеграфный запросъ Герцена о характерѣ заболѣванія, получивъ сразившій его отвѣтъ: «*dérangement des facultés intellectuelles*», Герценъ былъ потрясенъ ужасно — случиле бы я узналъ, что ея вѣтъ на свѣтѣ, сказалъ онъ, узнавъ о помѣшательствѣ любимой дочери и сочтя ея положеніе безнадежнымъ. Немедленно собравшись, онъ вмѣстѣ съ Н. А. Огаревой и Лизой на слѣдующій день выѣхалъ во Флоренцію.

Здѣсь передъ Герценомъ раскрылась полностью вся картина происшедшаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась въ настоящемъ свѣтѣ неприглядная роль Пенизи.

Кто такой былъ Пенизи? При первомъ знакомствѣ съ нимъ Герцена въ 1867 г. во Флоренціи, Пенизи произвелъ на него очень выгодное впечатлѣніе. «Я еще такого чуда не видывалъ», — писалъ Герценъ о немъ своей дочери Лизѣ: молодой человекъ изъ Сициліи, онъ очень богатъ и графъ или что такое... Онъ совершенно слѣпоу; ему лѣтъ 25. Онъ композиторъ, играетъ превосходно на фортепіано и поэтъ. Говоритъ кромѣ своего языка совѣмъ свободно по французски, по нѣмецки, по англійски, пишетъ (т. е. диктуетъ) стихи и статьи, знаетъ все на свѣтѣ: естественныя науки, исторію и пр... Но подъ блестящими внѣшними данными скрывалась у итальянца душа низменная. Пенизи сумѣлъ войти въ полное довѣріе молодыхъ Герценовъ и Мальвиды Майзенбургъ, искусно используя для этого то свои незаурядныя дарованія, то — въ отношеніи Нат. Ал. — свой трагическій недостатокъ, слѣпоту, чтобы возбудить ея жалость. Для Герцена онъ переводилъ на итальянскій языкъ «Доктора Крупова», Ал. Ал. Герценъ совѣтовался съ нимъ по поводу своихъ научныхъ статей, а близкаго семья Герцена, но недалекаго человека, доктора Левне Пенизи ухитрился даже сдѣлать сообщникомъ по осуществленію своихъ замысловъ насчетъ Нат. Ал.

Въ письмахъ изъ Флоренціи къ друзьямъ, въ особенности къ Огареву и Тургеневу, Герценъ подробно разсказалъ исторію того, какъ Нат. Ал., «самое свѣтлое и прекрасное существо изъ всей семьи», едва не стала жертвой низкой интриги Пенизи. «Глубже вникая, особенно въ груды писемъ», писалъ Герценъ Огареву, ея полагаю, что Пенизи, дѣйствительно, былъ увлеченъ и сначала склонялъ Тату угрозою самоубійства, а когда не удалось — угрозою скандала, клеветы и мести. Замѣть, что это — совершенное повтореніе исторіи Гервега.. Тата

рѣшилась сказать Сашѣ правду, когда испугалась, видя, что изъ уступокъ и игры въ великодушное потворство вырастаетъ чудовище съ угрозами. Она постоянно говорила Пенизи, что ни на что не рѣшилась, что подождать годъ-два и тогда скажетъ отвѣтъ. Пенизи, видя сборы Таты въ Парижъ, потребовала прямого отвѣта; она отказала. Кандидатъ въ самоубійцы явился холоднымъ палачемъ и злодѣемъ. Уже будучи подъ вліяніемъ навязчивой идеи, что Пенизи выполнить угрозу и подошлетъ наемныхъ убійцъ къ ея близкимъ, Нат. Ал. случайно оказалась свидѣтельницей того, какъ подъ ея окномъ какой-то человѣкъ пырнулъ ножомъ дѣвушку, и она упала въ крови. Въ тотъ же день сознаніе Нат. Ал. помрачилось совершенно: ей все казалось, что подкупленные Пенизи люди зарѣзали ея брата.

Приведемъ здѣсь дополнительно относящееся къ тѣмъ же днямъ письмо Герцена къ М. К. Рейхель *).

1869. 10 Ноября. Флоренція.

Любезнѣйшая Марія Каспаровна, я почти нарочно отдалялъ всякій день писать Вамъ, мнѣ хотѣлось разомъ сообщить Вамъ не только страшное, но и долею его исчезновеніе (....).

Тата больна и больна очень. Есть едва замѣтное облегченіе и есть надежда. Меня выписали по телеграфу изъ Парижа. Настрадались мы всѣ вдоволь. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одинъ негодяй, слѣпой Пенизи, сталъ ухаживать за Татой и наконецъ просить ея руки. Ничтожный дуракъ (что бы не сказать хуже) д-ръ Левье постоянно страшалъ Тату, что Пенизи отравится и умолялъ, что бы она его не приводила въ отчаяніе.

Я умолялъ со своей стороны, что бы она ѣхала въ Парижъ. Когда разнесся слухъ, что она ѣдетъ, Пенизи потребовалъ окончательнаго отвѣта. Тата тянула, тянула и отказала. Тогда Пенизи сталъ грозить, писать дерзкія письма. Тутъ только Саша догадался, что дѣло плохо — обиженная и испуганная Тата, боясь убійцъ и отравъ, боясь клеветы, впала въ глубокое (....).

Разныя причины раздражали ее все больше и больше. Разъ у Шифа ей сдѣлалось дурно и когда она привезена была домой — она была сумашедшая.

28 и получилъ телеграмму въ Парижѣ, откуда я и не думалъ ѣхать, 29 я съ Н. А. отправился во Флоренцію и какъ ее за-

*) О М. К. Рейхель см. примѣчаніе 28. — Это письмо, какъ и приведенныя дальше въ текстъ письма, напечатанныя болѣе крупнымъ шрифтомъ, публикуются здѣсь впервые. Они любезно предоставлены въ наше распоряженіе г-жею Ж. Ристъ, съ согласія ея матери, Ол. Ал. Герценъ-Моно.

сталь, это не нужно описывать. Такого удара я не ожидалъ. Одно желѣзное здоровье мое все вынесетъ.

Ей положительно лучше.

Можно ли было ждать, что бы это свѣтлое, доброе, изящное существованье — вдругъ стало на краю гибели, отъ встрѣчи гнуснаго урода, которому помогать глупый докторишка.

Герценъ засталъ свою дочь въ такомъ ужасномъ состояннн, что, признается онъ, только въ присутствнн больной еще могъ сдерживать слезы. Нат. Ал. вся была во власти страшныхъ кошмаровъ, постоянно вскакивала съ постели, прислушивалась. Отду повторяла шопотомъ: «увези меня... здѣсь тебя убьютъ и Сашу». Повидимому, ея недоверіе распространялось и на домашнихъ: «выгонн ихъ всѣхъ, я буду съ тобой», говорила она отду. А на прогулкѣ въ каретѣ вдругъ обратилась къ Ольгѣ и Мейзенбургъ: «вамъ пора выйти или я съ папой выйду. Я ему буду служить зонтикомъ отъ солнца».

Но здоровый молодой организмъ, а также вновь, и на этотъ разъ, самоотверженный уходъ Н. А. Огаревой сдѣлали свое: Нат. Ал. стала быстро поправляться: «мы отходили и отласкали Тату отъ черной болѣзни», писалъ Герценъ въ концѣ ноября М. К. Рейхель. Кошмары исчезли, сознание вернулось полностью, остались только, и на долго, грусть и подавленность, стремленіе къ уединенію.

Замѣчательно то, что и выздоровѣвъ, Нат. Ал. сохранила какое-то смѣтное воспоминаніе о призрачномъ мнрѣ, въ который на три недѣли погрузило ее безуміе. Вотъ какъ она описываетъ свое состояніе, во время болѣзни Огареву, въ декабрь 1869 г.

Представь, что я сама себя потеряла. Я искала сама себя во всѣхъ вѣкахъ и столѣтнхъ, во всѣхъ элементахъ — словомъ, была всѣмъ на свѣтѣ, начиная съ газовъ и эфира — я была огонь, вода, свѣтъ, гранитъ, хаосъ — всѣ всевозможныя религнн. Я мало знаю фактовъ историческихкихъ, но все такн я видѣла многое и страшно живо — это было очень интересно и я не жалѣю, что была больна, но минутами я очень страдала, сперва за другихъ всѣхъ мученнй, а потомъ приннхднсь за меня. Сколько разъ меня убивали, не перечешь, гильотинировали и вѣшали и разстрѣливали и на кусочки разрѣзали. Я все чувствовала — вотъ что значить воображенье больное... Я думала, что пришелъ конецъ мнру, все исчезло, земной шаръ и самая система съ своей исторіей. А далеко, далеко была звѣздочка, начинался новый мнръ. Я хотѣла всѣхъ спасти, взять туда съ собой... но всего не перечтешь.

Къ счастью, заболѣванн Нат. Ал. оказалось недолгимъ. Видимо, прѣвъ былъ лечнвшнй ее проф. М. Шифъ, считавшнй, что психическое недомоганн у нея началось значительно раньше — онъ связывалъ его

съ перенесенной Нат. Ал. зимой 1868-1869 г. оспой, — исторія съ Пеннан послужила лишь толчкомъ.

Съ большими предосторожностями и долгими остановками въ дороге, продолжавшейся цѣлый мѣсяць, Герценъ и Нат. Ал., Н. А. Огарева съ Лизой и догнавшіе ихъ въ путь М. Мейзенбургъ съ Ольгой, добрались въ половинѣ декабря въ Парижъ. Здѣсь вся семья поселилась, впредь до подысканія постоянной квартиры, въ меблированномъ домѣ (Pavillon de Rohan, Rue de Rivoli, 172), оказавшемся послѣднимъ земнымъ пристанищемъ въ скитальческой жизни Герцена *).

Самъ Герценъ уже не могъ оправиться отъ перенесеннаго потрясенія. Рѣзко усилился диабетъ, — недаромъ проф. Боткинъ предупреждалъ объ опасности для Герцена всякихъ волненій. Но еще больше, чѣмъ физическое здоровье, было потрясено пережитымъ во Флоренціи моральное состояніе Герцена.

Рушились послѣднія въ жизни надежды, эти годы связанные у него исключительно съ семьей, дѣтьми. Будущее рисуется ему безнадежно мрачнымъ. Его и раньше мучило сознаніе, что всѣ дѣти «уйдутъ и затанутъ мелкой западной жизнью, и не будетъ никакого представителя нашей русской дѣятельности». Дочь Ольгу, Мейзенбургъ сознательно — думаетъ онъ — воспитываетъ иностранкой. «Сама... честный, добрый и слабый, для него существуетъ только Терезина. Терезина — практическая натура. Она поклоняется деньгамъ въ память прежней нищеты». «Я въ вашемъ иностранномъ кругѣ — иностранецъ, вѣчно чужой», жаловался онъ сыну. Но до сихъ поръ его спасала крѣпкая вѣра въ старшую дочь, глубоко ему по душѣ близкую. «На Тату я полагаю сильнѣйшую надежду; у нея наши симпатіи, полге génie и, признаюсь, ея потерю я буду считать однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ ударовъ».

Теперь эта вѣра въ будущее призваніе дочери рушилась. Лишь случай, думаетъ онъ, спасъ ее отъ замужества за иностранцемъ. Мучительно для него и мысль, что дочь его могла съ такимъ довѣріемъ отнестись къ морально негодному человѣку. «Почему», съ горечью спрашиваетъ онъ Огарева, «почему мелодраматическіе Орасы и зачатые негодия имѣютъ не въ однихъ романахъ, а въ реальности самое сильное вліяніе на лучшихъ женщинъ», — очевидно, вспоминая пережитую имъ самимъ въ 1851 г. личную драму. Аналогія дѣйствительно на лицо, недаромъ при первыхъ же проблескахъ возвращающагося сознанія дочь съ грустью сказала ему: «я и нашла своего Гервега» **). Герценъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Выздоровленіе

*) Въ домѣ этомъ помѣщается сейчасъ Grand Hôtel du Louvre.

**) Уже послѣ смерти своего отца, Нат. Ал., гостившая у М. К. Рейхель въ Бернѣ, писала оттуда Н. А. Огаревой: «Маша... мнѣ показала одно французское письмо Мамаши къ Гервегу и тутъ меня опять поразило сходство его образа дѣйствій съ образомъ дѣйствій П(енизи)». Правда, — «Мамаша тутъ сама говоритъ о своемъ «увлеченіи», а это къ моей исторіи не приложимо». «Архивъ Огарева», Гос. Издат., Москва 1930.

вега. И Герценъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Выздоровленіе Таты меня больше облегчаетъ, чѣмъ радуетъ — впереди завѣса, все черно... Вопреки опытамъ, я имѣлъ въ Тату вѣру, основанную на симпатіи и психическомъ сходствѣ съ Н. (Нат. Ал., жена Герцена В. Р.). Вѣра эта обломилась. Я ее люблю, можетъ, больше, но вѣры нѣтъ».

И Герцена охватываетъ безисходное отчаяніе. Еще недавно онъ, строя планы на жизнь съ семьей въ Парижѣ, мечталъ о немногомъ «спокойно пронести немного времени, записать еще кое что людямъ на память и потухнуть безъ особой боли». Теперь, послѣ катастрофы съ дочерью, онъ уже безъ всякихъ надеждъ, «холодно и съ пассивностью» смотритъ въ будущее. Но нѣтъ и мира въ семьѣ: до послѣднихъ дней передъ смертью Герцена будутъ мучить враждебность между Огаревой и Мейзенбургъ, отчужденіе Ольги. «Въ себѣ пошадю надо бы отъ всего уйти и попробовать уединенную жизнь... Мнѣ страшно. саго мію», пишетъ онъ Огареву.

О послѣднихъ дняхъ и смерти Герцена писали Боборыкинъ, Тургеневъ; наиболее подробный и достоверный рассказъ оставила Н. А. Огарева (Воспоминанія, гл. XVII).

Герценъ, проведя 14-го января много времени на улицѣ — въ этотъ день въ Парижѣ происходили демонстраціи по поводу убійства принцемъ П. Бонапартомъ журналиста В. Нуара — простудился. Простуда повела къ воспаленію въ легкихъ, съ которымъ организмъ ослабленный хроническимъ диабетомъ, не въ силахъ былъ справиться. Въ нѣсколько дней состояніе больного стало угрожающимъ и въ ночь съ 20 на 21 января наступила развязка.

Было за полночь. Въ полубреду Герценъ все порывался встать ийти куда-то. Дочь Нат. Ал. и Н. А. Огарева всячески удерживали его «Ну, Натали, не удерживай меня болѣе. Пусти же меня» — «Нѣтъ, одного не пусти, возьми и меня съ собой», отвѣтила Н. А. Огарева — «Дай руку, если хочешь. Пойдемъ и представимъ передъ судомъ Господа»... Пробыло два часа. Герценъ отходилъ. Всѣ — Нат. Ал. и Ол. Ал., Огарева, Лиза, Мейзенбургъ и Моно, будущій мужъ Ол. Ал. — встали кругомъ кровати. «Взоры Александра были обращены на Тату... Дышалъ онъ все рѣже и тише. Наконецъ наступила та страшная тишина, которую слышно. Всѣ молчали, какъ будто боясь нарушить ее... Тата бросилась къ намъ, обняла насъ и сказала: «Я никогда съ Вами не разстанусь!»

Огаревъ еще наканунѣ былъ извѣщенъ по телеграфу о состояніи Герцена, но, по немощности своей, не могъ прѣхать изъ Женевы 22 Января дочери Герцена писали осиротѣвшему Огареву:

(Письмо Н. А. Герценъ).

Да, дорогой мой, папа-Ага — все, все кончено.

Умеръ онъ тихо, спокойно, но въ бреду. Можетъ быть это

лучше, я увѣрена, что онъ ужасно бы страдалъ, если бы сознательно разставался съ нами.

Послѣдніе 20 часовъ я едва могла отходить отъ кровати, я стояла и мѣшала ему вставать. Все ему хотѣлось куда то идти, поскорѣй одѣться, онъ говорилъ: «Ну, Тата, хоть ты не мѣшай. Пойдемъ поскорѣе вмѣстѣ». Я ему опять покрывала ноги, держала одѣяло, гладила горячій лобъ, умоляя его лежать спокойно и меня оставить около него. — «Какая же ты странная, — повторялъ онъ — все разумничаешь. Ну хорошо, обѣщаю, буду смиренно лежать».

(Письмо О. А. Герценъ).

Mon bien, bien aimé Aga,

Que de choses peuvent arriver en 5 jours!! Qui aurait dit en quittant Florence que nous allions vers la mort de Papa!.. C'est un coup terrible pour moi qui n'avait jamais vu la mort, je sais à peine ce qu'on a fait de moi. Je ne peux pas m'habituer à l'absence de mon père. Je t'assure, je le croyais toujours immortel. Je ne puis que te serrer dans mes bras, tu sais que je t'aime, comme si tu étais mon père... Adieu... je t'aime. Ton Olga.

23 Января состоялись похороны Герцена, временно на кладбищѣ Père-Lachaise, въ ожиданіи перевоза праха въ Ниццу, гдѣ въ фамильномъ склепѣ уже была погребена жена Герцена Наталія Александровна (1852 г.), а также дѣти его отъ Н. А. Огаревой, Леля-воу и Леля-гигі (1864 г.).

Въ тотъ же день Нат. Ал. писала Огареву:

Теперь и похороны кончены. Много было русскихъ и поляковъ, почти всѣ они незнакомые. Больиѣе и пріятнѣе всего мнѣ было видѣть Тессье дю Мотэ *) — онъ и его жена была въ Ниццѣ 18 лѣтъ назадъ, когда умерла Мамаша и при похоронахъ присутствовали.

Куда и когда мы поѣдемъ, не знаю. Покамѣстъ пиши еще сюда, въ Pavillon de Rohan. Сначала я думала, что мы всѣ немедленно поѣдемъ къ тебѣ, то есть въ Женеву, но это надо съ другими сговариваться и обдумать. Обнимаю и крѣпко, крѣпко цѣлую, милый папа-Ага.

*) См прим. 121.

Tallandier *) вчера узналъ изъ газетъ — тотчасъ прѣхалъ и присутствовалъ при похоронахъ, несмотря на то, что у него нѣтъ лишнихъ денегъ — какой милый и преданный человѣкъ.

Боже мой, какъ мнѣ все кажется пусто, врядъ ли онъ зналъ, до какой степени я его любила и какъ меня мучила мысль, что жизнь не устраивается по его вкусу и желанію... Прощай, до свиданья, мы во всякомъ случаѣ скоро увидимся, не забывай и люби свою Тату. — Всѣ здоровы.

Со смертью Герцена окончательно распалось «гнѣздо Герцена Огарева». Быть можетъ не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ упоминаемыхъ въ этой перепискѣ близкихъ Герцену лицъ.

Огаревъ не на много пережилъ своего друга. Послѣ смерти Герцена онъ еще пытался, теперь уже въ союзѣ съ Бакунинымъ и Мечаевымъ, возобновить изданіе «Комокола», — дѣло однако не пошло. Въ 1874 г. окончательно ослабѣвшій отъ болѣзней и пристрастія къ вину Огаревъ переселился въ Лондонъ, гдѣ и умеръ въ 1877 г. Мэри

Александръ Александровичъ Герценъ
въ послѣдніе годы его жизни († 1806)

---

*) См. прим. 12.

Сутерландъ, спасенная Огаревымъ изъ омута дѣвушка*), ставшая его спутницей въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ, преданно ухаживала за нимъ до конца. Похоронена Огаревъ на кладбищѣ въ Гринвичѣ.

Слѣва направо Терезина Герценъ (вдова А. А. Герцена), М. К. Рейхель и Н. А. Герценъ

Молодое поколѣніе, дѣти Герцена отъ первой жены и его внуки, какъ онъ и предвидѣлъ, ушли въ западно-европейскую жизнь.

Единственный сынъ Герцена, Александръ Александровичъ, вскорѣ переселился изъ Флоренціи въ Швейцарію, гдѣ онъ получилъ профессорскую кафедру по физиологіи въ Лозаннскомъ университетѣ и прожилъ до конца своихъ дней. Изъ десяти дѣтей его отъ брака съ Терезиной Феличе только одинъ, сынъ Петръ, поѣхалъ въ Россію — недавно въ совѣтскихъ газетахъ промелькнуло извѣстіе о 40-лѣтнемъ юбилеѣ научной дѣятельности московскаго профессора-хирурга П. А. Герцена — остальные, сыновья и дочери, разсыяны въ разныхъ концахъ Европы и стали вполнѣ иностранцами**) Послѣ смерти Ал. Ал

*) Исторію сближенія Огарева и М. Сутерландъ мы рассказали въ другомъ мѣстѣ, — см. прим. 52.

**) Не такъ давно въ редакцію «Совр. Зап.» заходилъ по дѣлу почти семидесятилѣтній, но бодрый по виду Dr. V. Негген. Трудно было представить себѣ, что это — тотъ самый «Волдырчикъ», старшій сынъ Ал. Ал., о которомъ Герценъ неоднократно упоминаетъ въ напечатанныхъ выше письмахъ.

въ 1906 г. его вдова Терезина Герценъ прожила долгіе годы вмѣстѣ съ Н. А. Герценъ; умерла она нѣсколько лѣтъ тому назадъ (? 1930 г.)

Старшей, наиболѣе духовно близкой Герцену и наиболѣе сохранившей свою «русскость» дочери Натальѣ Александровнѣ тоже не суждено было выполнить возлагающіяся на нее отцомъ надежды. Въ 1872 г. она безуспѣшно хлопотала о разрѣшеніи вернуться на родину, — лишь почти сорокъ лѣтъ спустя, въ 1909 г., ей удалось не надолго побывать въ Россіи. Не чувствовала Нат. Ал. и симпатіи продолжать ту работу, безплодность которой въ изгнаніи призналъ въ послѣдніе годы самъ Герценъ. Правда, въ первые же мѣсяцы послѣ смерти отца на Нат. Ал., еще не вполне оправившуюся отъ болѣзни, былъ сдѣланъ энергическій натиск со стороны Бакунина и Мечаева, во что бы то ни стало желавшихъ втянуть ее въ ихъ сомнительныя конспираціи. Имъ обоимъ были глубоко чужды идеи Герцена, но были нужны имя дочери Герцена на обложкѣ возобновляемаго ими, со всѣмъ не въ герценовскомъ духѣ, «Колокола», — и ея деньги. Особенно недостойна была въ этой интригѣ роль Бакунина. Понявъ это, Нат. Ал. съ негодованіемъ отвергла всякое сотрудничество съ творцами «Революціоннаго катехизиса». Не принимая въ дальнѣйшемъ участія въ политической дѣятельности, Нат. Ал. сумѣла однако по своему послужить поддержанію идейной традиціи ея отца: трудомъ по собранію, храненію, а отчасти и опубликованію обширнаго литературнаго наслѣдства Герцена. — Нат. Ал. не вышла замужъ, — зато на ея долю выпала другая роль: быть добрымъ ангеломъ хранителемъ для

Н. А. Герценъ и О. А. Герценъ-Моно

съ фотограф. 1934 г.

разросшихся семей ее брата и сестры. После смерти отца Нат. Ал. прожила тридцать лѣтъ во Франціи, въ семьѣ своей замужней сестры Ол. Ал., не переставая въ то же время заботиться объ Огаревѣ, о Лизѣ и Н. А. Огаревой, о безпризорномъ Тутѣ, сынѣ Ал. Ал. Въ началѣ девятисотыхъ годовъ она перѣехала въ Лозанну, гдѣ и прожила до своей смерти въ 1936 г., отдавъ себя попеченію о многочисленной семьѣ брата, — одинъ изъ сыновей его, больной Нижовой Ал., жилъ вмѣстѣ съ Нат. Ал.

Младшая дочь Герцена, Ольга Александровна, осталась въ ибръныхъ рукахъ М. Мейзенбургъ. Сдѣлать Ольгу «русскою», какъ того хотѣлъ Герценъ, Мейзенбургъ, разумѣется, не могла, если бь и хотѣла. Но женщина выдающаяся по уму и душевному благородству — не даромъ среди ея друзей были такіе замѣчательные люди, какъ Дж. Мадзини, Герценъ, Р. Вагнеръ, Ф. Ницше и Р. Ролланъ — горячо полюбившая свою пріемную дочь, М. Мейзенбургъ несомнѣнно оказала самое благотворное вліяніе на формирование ея характера. Въ 1873 году Ол. Ал. вышла замужъ за Габріеля Моно, французскаго историка, въ 1912 г. она овдовѣла. Ол. Ал., здравствующая понынѣ, живетъ во Франціи, вмѣстѣ со своей старшей дочерью, Жерменъ Риствъ, женой извѣстнаго экономиста Ш. Риствъ. М. Мейзенбургъ умерла въ 1903 г.

Глубоко трагически сложилась дальнѣйшая судьба Н. А. Огаревой и самой младшей дочери Герцена, Лизы. Поистинѣ, какое-то проклятіе тяготѣло всю жизнь надъ несчастной Натальей Александровной Тучковой! Человѣкъ несомнѣнно благородный, способный на глубокое и безкорыстное чувство — не за то ли такъ любила ее, свою «Консуэлу» Нат. Ал., первая жена Герцена, — но все время обуреваемая темными страстями, находясь на грани душевнаго заболѣванія, она помимо воли сѣяла зло вокругъ себя, любя, терзала любящихъ ее и сама оттого болѣе всѣхъ страдала. Она не дала счастья Огареву, она стала злымъ гениемъ для Герцена и его дѣтей, — и, въ глубинѣ души сознавая свою долю вины — ибо не во всемъ была правъ и Герценъ въ отношеніи къ ней, — не могла сама не казниться.

Къ тяжести утраты Герцена — его Н. А. Огарева, по своему, любила безгранично — присоединилась растущая отчужденность отъ его близкихъ; правда, жана Огарева дѣлала все возможное, чтобы оттолкнуть отъ себя даже тѣхъ, кто, какъ Нат. Ал., относились къ ней съ искреннимъ участіемъ. Даже Огаревъ вынужденъ былъ порвать съ ней отношенія, послѣ того какъ она безъ всякаго повода жестоко оскорбила М. Сутерландъ. Оставалась, правда, Лиза, въ которую Н. А. Огарева вложила всю силу страстнаго материнскаго чувства. Но какъ разъ съ этой стороны судьба готовила ей самые страшные удары.

Лиза—безусловно жертва ненормальной семейной обстановки и тяжелой наслѣдственности со стороны матери. Съ дѣтства она поражала своимъ умомъ, живостью характера; оставшіяся послѣ нея письма (къ Летувно) свидѣтельствуютъ о чисто герценовской талантливости ея. Но мучительная атмосфера въ семьѣ, общество матери, вѣчно сосредоточенной на мрачныхъ мысляхъ, отсутствіе правильнаго воспитанія и несомнѣнная избалованность сдѣлали изъ Лизы существо неравно-

вѣщенное, своевольное, не приспособленное къ житейскимъ невзгодамъ.

Трудно объяснимой была уже странность, проявившаяся у пятнадцатилѣтней Лизы: она вдругъ не то что разлюбила мать, но порой какъ бы даже ненавидѣла ее... Потрясенная и испуганная, Н. А. Огарева безропотно ступала передъ отчужденіемъ дочери. — Последние годы онъ значительную часть времени и жизни порознь. Уже въ 1873 г. у полу-ребенка Лизы начинаютъ зрѣть мысли о самоубійствѣ, — она осторожно выпытываетъ у своего учителя Э. Реклю о

Воспроизв. дѣл. инт. съ фотогр. 1875 г.

Лиза Герценъ-Огарева

вѣрныхъ способахъ лишенія себя жизни. Наконецъ, въ 1875 г. произошелъ тотъ психическій толчекъ, который привелъ бѣдную Лизу къ роковому концу. Шестнадцатилѣтняя дѣвушка, она со вѣсьмъ пыломъ юности, но завѣдомо безнадежно, полюбила Ш. Летурно, известнаго французскаго социолога, человѣка уже немолодого, и притомъ женатаго *). Напрасно мать и Нат. Ал. Герценъ, предчувствуя бѣду, истощались въ усиліяхъ отвлечь, спасти Лизу: пріякъ къ убѣжденію, что ей больше не зачѣмъ жить, она въ декабрь 1875 г., во Флоренціи, отравилась, положивъ на лицо вату, пропитанную хлорофор-

*) Опубликованная въ «Арх. Огарева» (Госизд. 1930) переписка Лизы съ Летурно рисуетъ мучительныя перипетіи этого романа.

чомъ. Жуткая подробность: склянку съ ядомъ она нашла въ вещахъ своей матери, хранившей его съ тою же цѣлью для себя.. Въ своемъ предсмертномъ письмѣ Лиза писала съ мрачной бравадой: «Какъ видите, друзья, я попыталась совершить переѣздъ... Можетъ быть мнѣ не удастся совершить его — тогда тѣмъ лучше! Мы будемъ пить шампанское по случаю моего воскресенія... Если же меня будутъ хоронить пусть сначала удостовѣрятся, что я мертва, потому что, если я проснусь въ гробу, это будетъ очень неприятно... Addio — salut et fraternité». Въ тотъ же день Н. А. Огареву вынули изъ петли, и только неотлучно наблюдая за ней, удалось предотвратить второе самоубійство.

Прахъ Лизы былъ перевезенъ изъ Флоренці въ Ниццу и погребенъ въ общей могилѣ съ Герценомъ. Среди полученныхъ нами отъ О. А. Герценъ-Моно матеріаловъ находится небольшая записка А. А. Герцена, относящаяся къ этимъ днямъ:

Пишу тебѣ изъ Генуи. Я везу въ Ниццу гробъ Лизы, которая, пріѣхавъ насъ навѣстить, у насъ же добровольно лишилась жизни, отъ любви. Жена полубольна, мать Лизы ищетъ смерти, что за трагедія...

Въ 1876 г. Н. А. Огарева, получивъ разрѣшеніе, возвратилась въ Россію и поселилась въ Старомъ Акшенѣ, имѣніи Сатиныхъ. Еще очень доляя и трудная жизнь ея съ тѣхъ поръ — она умерла только въ 1911 г. — была цѣликомъ посвящена заботѣ о дѣтяхъ и внукахъ ея сестры Е. А. Сатиной. Но раны, нанесенныя ей жизнью, не зажили въ ея душѣ никогда¹⁾.

В. Рудневъ.

1) М. Гершензонъ. Н. А. Огарева. «Рус. Мысль» 1914 г. кн. 4

Н. А. Тучкова-Огарева

ст. фотограф. 1911 г.